

НОВОЕ
В ЖИЗНИ, НАУКЕ,
ТЕХНИКЕ

ЗНАНИЕ

С. А. Николаева
БУДЬ
ГРАЖДАНИНОМ

11/1977

СЕРИЯ ЛИТЕРАТУРА

НОВОЕ
В ЖИЗНИ, НАУКЕ,
ТЕХНИКЕ

Серия «Литература»
№ 11, 1977 г.
Издается ежемесячно с 1967 г.

С. А. Николаева

БУДЬ
ГРАЖДАНИНОМ

(ЗАМЕТКИ О СОВРЕМЕННОЙ ПРОЗЕ
ДЛЯ ДЕТЕЙ)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»
Москва 1977

Содержание

Лениниана для детей

6

Герой — Революция

15

«Думать исторически...»

21

«...Ради жизни на земле»

29

Утверждая связь поколений

40

Главное дело

44

«Душа обязана трудиться...»

52

Николаева С. А.

Н 63 Будь гражданином (Заметки о современной прозе для детей). М., «Знание», 1977.

64 с. (Новое в жизни, науке, технике. Серия «Литература», 11. Издается ежемесячно с 1967 г.)

Как в последние годы выполняла детская литература задачи коммунистического воспитания, общие для всей советской литературы, как решала она свои специфические проблемы, связанные с ее обращением к ребенку, подростку? На этом сосредоточено внимание автора брошюры, анализирующего произведения М. Прилежаевой, С. Баруздина, А. Алексина, С. Алексеева, А. Рыбакова, К. Икрамова, В. Медведева, Ю. Коринца, Н. Думбадзе и др.

70800

8Ю

НЕ ПОЗВОЛЯЙ ДУШЕ ЛЕНИТЬСЯ!
ЧТОБ ВОДУ В СТУПЕ НЕ ТОЛОЧЬ,
ДУША ОБЯЗАНА ТРУДИТЬСЯ,
И ДЕНЬ И НОЧЬ, И ДЕНЬ И НОЧЬ!

Н. ЗАБОЛОЦКИЙ

С чего начинается воспитание гражданина? Каждая историческая эпоха вносит в этот важнейший для существования человечества вопрос свои оттенки, окрашивая его в «цвет времени». Сегодня для нас основу гражданского воспитания составляет в первую очередь привитие высоких моральных жизненных принципов общества развитого социализма, создание нравственного фундамента, являющегося жизненной основой личности. Лишь на таком фундаменте возможно воспитание не только высоконравственного, гуманного Человека, но и воспитание личности коммунистической, с органически присущими ей идеями патриотизма и интернационализма, чувством ответственности за все, что происходит вокруг, активной жизненной позицией.

Насущная общественная потребность выдвигает сегодня перед нашей литературой важнейшую задачу воспитания всесторонне развитого человека — строителя коммунизма. Эту мысль высказал еще на XXIV съезде КПСС Л. И. Брежнев. Продолжая ее, он подчеркнул особенность современного взгляда на воспитание коммунистической личности: «Без высокого уровня культуры, образования, общественной сознательности, внутренней зрелости людей коммунизм невозможен, как невозможен он и без соответствующей материально-технической базы».

Внутренней зрелости человек может достичь тогда, когда воспитанием взращиваются в нем принципиальность, честность, глубина чувства, исходя при этом из незыблемых принципов нашей коммунистической нравственности.

На XXV съезде партии были отмечены усилия нашей литературы, направленные на воспитание таких качеств. И советская детская многонациональная лите-

ратура, развиваясь как неотъемлемая часть большой советской литературы, не может не отзываться на эту общественную потребность времени: стремиться к удовлетворению не только внешних, материальных, но и внутренних потребностей человека, к обогащению его души, его духовного мира.

На VI съезде писателей СССР Сергей Михалков, приводя грандиозные цифры — 50 миллионов читателей — учащихся общеобразовательных школ, 30 миллионов — дошкольников, многие миллионы — ученики ПТУ, техникумов, говорил об огромной ответственности детских и юношеских писателей: «Вдумайтесь только в смысл этой цифры: каждый третий гражданин Советского Союза — наш Юный Читатель. И за судьбу всех этих миллионов завтрашних созидателей новой жизни, за грядущий день своей любимой Отчизны в ответе и мы с вами — детские и юношеские писатели!»

Глубокое внимание к вопросам нравственным — традиционно для русской классической литературы, для русской народно-демократической критики. И когда критик Ф. Кузнецов в своей книге «За все в ответе», посвященной нравственным исканиям в современной прозе (1975 г.), пишет о том, что задача осмыслить и понять человека нового времени в сегодняшних условиях определяет многие закономерности развития литературы, устремленной в конечном счете к поискам и утверждению современного нравственного и этического идеала, он следует этой великой традиции — видеть в создании концепции личности, отвечающей духу времени, смысл художественного творчества, труда писателя, будь он «взрослый» или «детский».

О наметившейся в детской литературе последних лет тенденции воспитания «человека самосознания», свободной, духовно развитой личности, внутренне устойчивой в моральном и социальном отношении и в то же время открытой всему потоку жизни, несущему в себе ее «духовное питание», писали в статье «Размышление над потоком» в журнале «Детская литература» ленинградские критики А. Акимова и В. Акимов. Эта тенденция к разгерметизации, к «открытости» мира детства обратила детскую и особенно юношескую литературу, с одной стороны, к изображению тем и конфликтов, к которым ранее она не обращалась, а с другой — к созданию более сложных по своей духовной структуре

ре, чем на предшествующем этапе, образов ребенка, подростка, юноши. «Нравственные искания» детской литературы последних лет привели к обогащению шкалы моральных ценностей, углублению внимания к «жизни души», к усилению психологизма, к движению, как верно заметил критик И. Мотяшов, от мира вещей к миру отношений.

Для детской литературы в последние годы характерны усиленные поиски современного нравственного идеала, в котором вечные ценности синтезировались бы с нравственными ценностями общества развитого социализма, характерны поиски героя, наделенного чертами положительными с общечеловеческой точки зрения и чертами, воспитание которых столь остро необходимо дню сегодняшнему. Социальная активность, гражданственность, чувство нового и деловитость — это те черты, которые Л. И. Брежнев определил как приобретающие в нашей жизни «решающее значение. Все они относятся к моральной, духовной сфере общественной жизни и не могут быть записаны в план или статистический отчет. Но мы знаем, на своем опыте мы убедились в том, что эти черты коммунистического характера и коммунистического сознания обладают огромной материальной силой, воплощающейся в растущую мощь и богатство нашей великой родины».

О том, как важно сегодня обращение литературы к непреходящим духовным ценностям, прекрасно сказал, выступая в Московском педагогическом институте им. В. И. Ленина, Юрий Бондарев: «Каких бы высот ни достиг современный прогресс, нравственные начала в человеке являются охранителями его духовного мира, который не имеет права быть пустыней, обезвоженной, однако богатой синтетическими ценностями. Если человек утратит чувство ответственности перед миром, чувство сопричастности чужой боли, он превратится в машину с пластмассовыми деталями. Слава богу, наша научно-техническая революция во главу всего ставит духовное усовершенствование. Да, литература нравственно воздействует на человека, изменяет его отношение к сущему, и вечные вопросы воспитания чувств чрезвычайно современны, потому что обращены в будущее, которое рождается уже сегодня в душах наших детей».

И к какой бы теме ни обращался детский писатель, без ее нравственно-философского осмысления он уже не может создать произведение, отвечающее уровню требований, предъявляемых к литературе нашей жизнью, современным этапом развития общественной мысли.

Лениниана для детей

«Слово — строитель» — так назвал С. Сутоцкий свою книгу, в которой он излагает творческую историю книг, брошюр, газетных и журнальных статей Владимира Ильича Ленина, созданных в начальный период строительства нового общества. Включенные в публицистическую ткань книги ленинские мысли предстают перед юным читателем в своей объемности и исторической конкретности. С. Сутоцкий начал свое повествование для детей о силе и действенности ленинских произведений книгой «Слово — полководец». Со страниц его книг встает образ великого мыслителя и великого человека, чей нравственный подвиг в полной мере еще предстоит осмыслить нашей литературе.

Полнота и напряженность духовной жизни и в то же время подчинение каждого мгновения делу, которому служишь, — из этого складывается неповторимый ленинский облик, простирающийся на страницах этих книг.

24 декабря 1917 года Владимир Ильич вместе с Надеждой Константиновной и сестрой Марией Ильиничной приехал в санаторий «Халила», расположенный неподалеку от Петрограда. Пока спутницы его знакомились с живописными окрестностями, Владимир Ильич успел обосноваться в отведенной ему комнате: уселся за письменный стол и немедленно приступил к работе. «Отдых у Ильича как-то не выходил, — рассказывала впоследствии Н. К. Крупская. — И хоть гуляли мы каждый день, но без настоящего аппетита. Думал Ильич о делах и все больше писал...» И в результате такого «отдыха» появляются статьи «Запуганные крахом старого и борющиеся за новое» и «Как организовать соревнование» — первые произведения ленинской публицистики советской эпохи.

Книга С. Сутоцкого подводит мысль читателя к важнейшему наказу Ленина молодежи — страсть борцов необходимо соединять с глубокими знаниями, ведь «коммунистом стать можно лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество». Как известно, эти слова Ленина, сказанные им с трибуны комсомольского съезда, стали не только практической программой деятельности комсомола в те годы, но и легли в основу нравственного кодекса нашей молодежи на многие десятилетия.

Пройдут годы и, вспоминая знаменательный день открытия съезда, участники его расскажут потомкам: комсомольцы двадцатых годов слушали Ленина, не замечая течения времени... И каждому тогда казалось, будто в зале их только двое: он, делегат съезда, молодой коммунист, и великий Ленин, выступающий с трибуны.

Ленин говорил просто, ясно. Однако в этой простоте и ясности заключена была огромная глубина и острота творческой мысли. Слово Ленина творит дело — юный читатель выносит из книги С. Сутоцкого ощущение действенности слова вообще, мощи и действенности ленинского слова — в особенности.

Лениниана уже насчитывает много превосходных работ в различных жанрах, однако, как говорил Маяковский, «долгую жизнь товарища Ленина надо писать и описывать заново». Поэтому освоение ленинской темы продолжается с неослабевающей интенсивностью, «дорисовывая» «недорисованный портрет» величайшего человека истории. Лениниана для детей создается и средствами публицистики, и средствами художественной литературы, и особым сплавом документального и художественного. В круг детского чтения прочно вошли повести З. Воскресенской «Сердце матери», «Сквозь ледяную мглу», «Утро» и документально-художественные произведения М. Прилежаевой «Жизнь Ленина», Е. Драпкиной «Навстречу бурям», «Баллада о большевистском подполье», «Черные сухари» и публицистические книги С. Сутоцкого. Последние годы ленинская тема получила свое дальнейшее развитие в работе Е. Драпкиной «Кастальский ключ», в повести З. Воскресенской «Пароль — Надежда», в романе В. Осипова «Апрель», в книжке А. Зверинцева для младшего

возраста «Шифр «3—7», в повести Вл. Николаева «День жизни».

«Кастальский ключ» Е. Драбкиной продолжает публицистическую линию Ленинианы для детей. Это размышления о преемственности, непрерывности традиций борцов за человеческое счастье, о неперенном прикосновении к этим традициям гения, в какой бы области он ни проявился — в науке, в политике, в поэзии...

Раздумывая о духовной близости двух гениев — Пушкина, стоявшего у истоков русской культуры, и Ленина, вождя революции, сделавшего эту культуру достоянием народа, писательница показывает, в чем, собственно, проявлялась эта близость.

«Солнце озаряло фигуру Ленина, и как-то особо торжественно звучали его слова. Он говорил, что марксизм, идущий в ногу с выводами науки, представляет собою самое жизнерадостное мировоззрение, которое раскрывает перед человеком необъятные перспективы и ведет к древнегреческой жизнерадостности в противовес христианскому аскетизму, кострам средневековья и священной инквизиции. Рабочий класс, говорил он, вступает в борьбу во всеоружии человеческого знания. При помощи науки он не только докажет свое право на существование, но и победит в открытом бою и создаст бесклассовое социалистическое общество. Идеалистическая философия приводит к признанию бога, к отрицанию жизни, к религиозному аскетизму. Революционный марксизм утверждает победу человеческого разума над тем, что еще не познано, победу человека над природой, светлое будущее человечества, прекрасное своей языческой жизнерадостностью...»

Приводя эти слова Владимира Ильича, писательница страстно обращается к своему юному читателю:

— Читатель! Друг мой! Вглядишься, вдумайся, вслушайся в эти слова! Ты услышишь в их ликующем жизнелюбии — тот же вдохновенный взлет человеческой мысли и страсти, которым пронизан бессмертный пушкинский гимн счастью, радости, светлому будущему человечества:

Да здравствуют музы, да здравствует разум!
Ты солнце святое, гори!
Как эта лампада бледнеет
Пред ясным восходом зари,
Так ложная мудрость мерцает и тлеет

Пред солнцем бессмертным ума.
Да здравствует солнце, да скроется тьма!

«Вглядись, вдумайся, вслушайся» — вот главный смысл эссе Е. Драбкиной, обращенного к подросткам. А как важно это неповторимое время человеческой жизни наполнить размышлениями о судьбах человечества, о судьбе гения, дать прикоснуться к стихии мыслей и чувств подлинно великих людей, испивших из Кастаньского ключа творческого вдохновения.

Устанавливая «связь времен», Е. Драбкина отмечает те исторические перекрестки, где сближение Пушкина и Ленина было неизбежно, предопределено — ведь оба они принадлежат русской истории, русской культуре.

Стремление приобщить юного читателя к нравственному миру Ленина претворяется в эссе Е. Драбкиной в тщательное прослеживание тех идей, которые волновали Пушкина, и прежде всего, мыслей о судьбе человеческой, судьбе народной, в работах Ленина. Даже в его революционной практике, отмечает писательница, много точек соприкосновения с поэтическим миром Пушкина. В псковский период жизни Ленина в его письмах впервые появляется название для будущей газеты, которая была тогда главным делом его жизни, — «Искра», взятое из ответа декабристов Пушкину на его послание «Во глубине сибирских руд...» Ленин дает название марксистскому журналу — «Заря».

В те годы использование русскими революционерами в своей повседневной работе стихов Пушкина для агитации или для шифровки того, что не должно было попасть в чужие руки, стало уже привычным. Рассказывая об этом, Е. Драбкина обращает мысль читателя к поколению людей, бестрепетно отдавших жизнь за народное счастье, сознательно шедших на гибель во имя своих идеалов.

...В марте 1887 года в газете «Русские ведомости» появилось сообщение о том, что в Петербурге, на Невском задержаны трое студентов, у которых при обыске найдены «разрывные снаряды». Одним из арестованных по делу «1 марта» был Александр Ульянов.

В повести В. Осипова «Апрель» рассказано всего о двух месяцах жизни народовольца Александра Ульянова, но в этих двух месяцах как бы сконцентрировался

итог всей, хоть и до отчаяния недолгой, но насыщенной, напряженной, светлой жизни русского интеллигента, идейного борца и революционера, наследника высоких духовных идеалов предшествующих поколений.

Сюжет книги составляют не действия группы террористов, а следствие и суд по делу этой группы, допросы одного из активных ее участников А. Ульянова. Но книга захватывает драматизмом столкновений характеров, мировоззрений. Ведь на этих допросах по одну сторону стола — люди, старающиеся любой ценой сохранить существующий порядок вещей, хоть он и противоречит всем человеческим нормам разума, добра, справедливости, а с другой — двадцатипятилетний юноша, дерзнувший со своими столь же юными товарищами поднять на этот существующий порядок руку, убежденный в своем высоком человеческом праве на этот поступок и осознающий его историческую неотвратимость.

Этот юноша обладал интеллектом ученого, чистым и благородным сердцем. Встав перед нравственным выбором — может ли он пожертвовать наукой, благополучием семьи, в которой он после смерти отца старший, он отвечает себе: да, нужно идти в революцию, невозможно заниматься наукой, не принимая участия в борьбе за счастье людей.

Александр Ульянов... Ученик Менделеева, Бехтерева, Семевского, Миллера, получивший за студенческую свою работу золотую медаль, «гордость Петербургского университета», как было сказано при вручении этой медали... А от отца Ильи Николаевича, вышедшего из народа, выросшего на революционных демократических идеях передовых людей России, впервые были услышаны имена Добролюбова, Чернышевского, Писарева.

«Неужели отец не понял бы тех причин, по которым он, Саша, оказался здесь, в камере Петропавловской крепости?»

Поняла это и мать, Мария Александровна, но поняла умом, не сердцем, и подвиг ее материнской любви, ее нравственный подвиг состоял в том, что, убитая горем, нашла она в себе силы не показать этого приговоренному к смерти своему мальчику.

Вчерашнее детство, с холодом черных кожаных кресел и золотыми корешками энциклопедии в отцовском кабинете, с маминной игрой на рояле по вечерам, с проказами младших отступило... Реальность — камера в

Петропавловской крепости, и снова выбор: дальнейшее молчание на допросе — нелогично, бессмысленно. Его личная вина в покушении на жизнь царя установлена. Но степень этой вины? Она будет зависеть только от него самого, от его поведения. И снова выбор сделан без колебания — умалить вину товарищей, постараться спасти тех, кто выбрал эту дорогу не самостоятельно или принимал лишь косвенное участие в деле. И Саша твердо говорит на допросе: «...Мне одному из первых принадлежит мысль образовать террористическую группу. Я принимал самое деятельное участие в ее организации в смысле доставания денег, подыскания людей и квартир... Что же касается моего нравственного интеллектуального участия в этом деле, то оно было полное, то есть все то, которое позволяли мне мои способности и сила моих знаний и убеждений».

В последние дни следствия, уже зная о неизбежности смертного приговора, Александр Ульянов спешит оставить людям программу террористической фракции партии «Народная воля», политически обосновать замысел покушения на царя, чтобы не было оно представлено выходкой анархистствующих смутьянов.

Выступая на суде с дерзкой, мужественной речью, направленной отнюдь не на свою защиту, а на обвинение существующего строя, Александр Ульянов отстаивал право человека на свободное обсуждение общественных идеалов, судеб общества, в котором живешь.

Из Кастальского ключа творческого вдохновения испили и Александр Пушкин, и Александр Ульянов, и еще многие, кому счастье народа было дороже собственной жизни. Но кто знает, не предстояло ли им прикосновение к ключу забвения, если бы Владимир Ульянов не решил, узнав о судьбе старшего брата, идти «другим путем»?

Началу этого пути посвящает свои рассказы, собранные в книжке «Шифр «3—7» А. Зверинцев. Рассказ «Утренний гость» относится к тому моменту, когда, как доносил агент петербургского охранного отделения, «состоящий под негласным надзором полиции Ульянов Владимир Ильич, сын действительного статского советника, прибыл 31 августа 1893 года в Санкт-Петербург и поселился в доме № 58 по Сергиевской улице, 4 участка Литейной части» и встретился со своими будущими соратниками — студентами-марксистами Кржижанов-

ским, Красиным, Сильвиным и другими, знакомившими рабочих с марксистской наукой. И вот второй рассказ в книжке А. Зверинцева «Ваня Нос» — о пробуждении революционного сознания у одного из этих рабочих — Ивана Ивановича Яковлева. Он оставил воспоминания о том, как занимался в кружке у Ленина, как прорастали первые побеги революционного сознания у пришедшего на завод забитого деревенского паренька, боявшегося книг и людей, которые их читают: «Думал, что это очень плохие люди. Так учил отец. Этому тогда учили многих детей»...

Писатель сосредоточивает свое внимание на главном, без чего Октябрьская революция не могла бы свершиться, — на передаче Прометеева огня революционной мысли широким рабочим массам. Как бы вводя читателя в писательскую лабораторию, он вместе с ним решает, где автор имеет право дать волю своему воображению и где обязан — перед историей, перед своей совестью — строго следовать историческим фактам и документам. Читатель, таким образом, приобщается к нравственным проблемам писательской работы.

В рассказе «Что читают в Самаре» А. Зверинцев сравнивает строчки воспоминаний Германа Красина и М. А. Сильвина (буквально строчки) и по ним создает художественную реконструкцию своеобразного экзамена, устроенного группой студентов-марксистов новичку Ульянову, на котором, как записал Г. Красин, экзаменаторы сами оказались в положении экзаменуемых. «Такой я представлял себе эту встречу», — заканчивает А. Зверинцев рассказ, и далее следует его лаконичный, даже суховатый «документальный» финал: «Став членом кружка, Владимир Ульянов сразу же внес в работу товарищей недостающую четкость, вспоминает М. А. Сильвин. Владимир Ильич предложил, чтобы каждый член кружка давал ясный отчет о своих беседах с рабочими на фабриках и заводах. Он собственным примером показывал, как надо избавляться от привычек, которые мешали работе, мешали идти к намеченной цели. Как и все, Ульянов стал вести рабочий кружок».

В повести «День жизни» Вл. Николаева Ленин предстает уже сложившимся руководителем, вождем партии. Автора интересует в первую очередь момент соприкосновения ленинской личности с представителями

широких масс — крестьянами, революционными солдатами, рабочими. Он исследует тот сильный нравственный импульс, который возникал при сближении Ленина с кем бы то ни было, а уж особенно с людьми, для которых само его имя было символом народного счастья, светлой народной доли. Их судьбы, раскрытые в повести с помощью отдельных эпизодов, составляют как бы композиционную канву, на которую накладывается, стежок за стежком, день жизни Ленина.

Ленинский образ проступает в повести не только в непосредственных описаниях событий этого одного дня жизни вождя, но и опосредованно — через восприятие его личности другими людьми. Что же привлекает их в нем в первую очередь? Вл. Николаев выделяет ту совокупность нравственных черт, которые в глазах народа делают Ленина Лениным. И на первом месте среди этих черт — доверие к человеку, величайшая убежденная вера в светлые стороны его души.

«Я иной раз думаю, — какое же терпение должно быть у товарища Ленина, сколько же ему приходится поправлять да вразумлять даже тех, кто рядом с ним работает! Нет, недоверием в деле свободы ничего не достигнешь, — рассуждает железнодорожник Христофоров. — Тут верить надо. И в первую голову людям верить, идти к ним с открытой душой. Да и сама свобода-то без веры, сдается мне, без веры пуста».

«— Попы мусолили про веру, и мы, значит, снова здорово?» — возражает ему красноармеец, один из тех, кому выпадет в этот день встретиться с Ильичем. И здесь Христофоров формулирует народный революционный символ веры: «...Мы в жизнь, которую строить взялись, призываем верить... Рядом с нашей верой и доверие полное должно быть».

Все более углубленное исследование средствами искусства созидательно-гуманистического характера деятельности Ленина, которое всегда составляло основную черту художественной Ленинианы «взрослой», в последние годы свойственно и аналогичным произведениям, обращенным к детям. Начатая очерком М. Горького и поэмой В. Маяковского художественная Лениниана на протяжении десятилетий сохраняет пафос этих произведений — внимание к организаторской силе ленинских идей, подхватываемых широкими народными массами, к движению его философской мысли.

Жизнь Ленина, его работа, его сложнейший духовный мир — неисчерпаемый источник для художника, если он хочет создать произведение, в котором растущий человек сможет найти примеры величайшего в истории человечества безраздельного служения раз избранному делу, верности раз принятой идее. Лучшие произведения для детей о Ленине показывают нам его в неразрывном единстве политического и человеческого, и, что особенно важно для сегодняшнего дня, он предстает в них носителем новой коммунистической нравственности, практически, всеми своими поступками, делами утверждающими «реальный гуманизм» (К. Маркс) с его высшей целью — благом народа.

Прочитав «Воспоминания о Ленине» Н. К. Крупской, А. Твардовский взволнованно записал: «Как бы отвечая на вопрос о том, что побудило Владимира Ильича вступить на путь революционной борьбы, она просто говорит: он очень любил рабочих людей... Любовь к людям! Не та христианская евангелическая любовь, которая призывает людей к смирению и послушанию, а та, коммунистическая любовь, которая пробуждает в людях чувство человеческого достоинства, попранного угнетателями, веру в свои силы и готовность на борьбу во имя справедливости».

«Коммунистическая любовь к людям» становится ключом к раскрытию образа самой Н. Крупской в повести З. Воскресенской «Пароль — «Надежда», первому произведению, посвященному детству, отрочеству и юности друга, жены и соратника В. И. Ленина.

«Юноши, покушавшиеся на жизнь царя, занимали умы молодежи. Надя жадно ловила каждое слово об этих героях. Ей хотелось понять, что заставило их, у которых была в жизни открытая дорога в науку, которых лично не притесняли, у которых были, наверно, невесты, любящие их матери, пренебречь всем и выйти на поединок с царем».

Маленькая Надя росла в те же годы, почти в той же атмосфере демократической среды, что и многие из тех, чьи имена вписаны в историю освободительной борьбы в России. Ее отец пожертвовал карьерой ради защиты бесправных крестьян во время польского восстания 1863 года, помогал повстанцам, дружил с польскими интеллигентами.

В повести прослеживается рост нравственного чув-

ства сперва маленькой девочки, обожавшей веселого, ласкового отца, затем подростка, уже начинавшего постигать, как нелегко даются честность перед самим собой и высокое благородство по отношению к окружающим в стране, где царят бесправие и произвол.

Третьего апреля 1881 года Надя Крупская видит, как ведут на казнь руководителей «Народной воли» Желябова, Михайлова, Кибальчича, Рысакова, Перовскую... «Медленно двигаются позорные дроги. Зябко поводит Софья Перовская плечами, поднимает опущенные веки, и большие светлые глаза смотрят на уползающую из-под телеги дорогу. Они очень близко, эти глаза. Еще мгновение — и обе девушки встретились взглядом». Вот так, глаза в глаза, передается эстафета борьбы с насилием, вера в святость дела, за которое отдана юная жизнь, так происходит приобщение к великой цели. Так приходит и ясное сознание того, какая нужна сила — жизнеутверждающая, непомерно огромная, какие гигантские народные таланты, чтобы пробиться сквозь толщу бесправия, тупости, беззакония, придавленности, «какой нужен могучий голос, чтобы перекрыть барабанную дробь!»

Жизненный путь выбран раз и навсегда: «Я хочу действовать, приносить людям пользу, и научусь это делать. Друг моего отца сказал мне, что нужно зажечь вечно горящий факел, который бы светил людям. Я буду искать этой возможности». И навсегда связав свою судьбу с судьбой народной, Надежда Крупская пронесла этот «вечно горящий факел» революционного огня через всю свою сложную, порой трагическую, светлую и ясную жизнь.

Герой — Революция

Долго и труден был путь поколений борцов за счастье народное, полон невзгод и лишений. Художественное воссоздание фактов жизни таких людей помогает представить юному читателю сложный процесс развития революционно-освободительного движения в России, формирования новой демократической интеллигенции. Этой задаче служат детские книги на историко-революционную тему.

Среди них обращает на себя внимание своеобразная книга воспоминаний о своем отце Ю. М. Калинин. То, что это лишь литературная запись ее рассказов, отнюдь не мешает читателю воспринимать книгу как цельное художественное произведение — так увлекает встающий из книги образ человека, жизненный путь которого — от простого крестьянина до крупнейшего деятеля Советского государства — сложился под влиянием чувства, приведшего в революцию многих. Потребность в справедливости — так определяет это чувство Ю. М. Калинина. И здесь в центре повествования не столько события, сколько процесс душевного становления, процесс самовоспитания, самосовершенствования.

В сегодняшней детской и юношеской литературе на историко-революционную тему художественно-биографический жанр, в котором показ нравственного становления личности является одной из главных задач, представлен также повестями «Феликс — значит счастливый» Ю. Королькова — о Ф. Э. Дзержинском; «Взрыв» И. Гуро — о В. М. Загорском; «Далеко в заснеженной Сибири» К. Липинской — автобиографическим повествованием о революционной юности автора; «Мост вздохов» и «Пятое окно от угла» В. Морозовой — о деятельницах большевистского подполья Л. Н. Сталь и Т. Ф. Людвинской и целым рядом книг историко-революционной библиотеки, выпускаемой издательством «Детская литература».

Для детских книг на историко-революционную тему в последние годы характерно то, что Горький называл «химией фактов», — сегодня это взгляд на мораль и этику участников революционных событий с точки зрения человека социалистического мира, обладающего такой нравственной свободой личности, когда общественные и общечеловеческие требования совпадают с внутренними мотивами и побуждениями.

Поэтому выбор героев, выбор тем в историко-революционной детской прозе диктуется в первую очередь возможностью извлечь, опираясь на историю, нравственный урок, который послужил бы созданию или дальнейшему укреплению в юном человеке этого чувства нравственной свободы, внутреннего самопринуждения, внутренней сознательности. В стремлении к большей эффективности такого воспитательного урока детские

писатели выбирают героев, способных дать моральный импульс, обладающих нравственной перспективой.

Изображение этих героев не может строиться на отношении к ним как к «памятнику». Поэтому у писателя возникает личностное, порою почти интимное отношение к своему герою, происходит смещение героя историко-революционной детской прозы из области эпоса в область лирики. В этом также выразилось углубленное внимание к внутреннему миру юного современника — что же сегодня способно задеть душу и разум ребенка, подростка, как не определение его душевной адекватности легендарной личности, апелляция в первую очередь к ее нравственному авторитету.

Известный призыв Маркса и Энгельса к изображению деятелей революции «суровыми рембрандтовскими красками» в противовес изображению их при помощи «восторженно преображенных рафаэлевских портретов», где эти лица никогда не появляются в их реальном, а лишь в официальном виде, с котурнами на ногах и ореолом вокруг головы, отчего «пропадает вся правдивость изображения», реализуется сегодня в многочисленных произведениях на историко-революционную тему для взрослых. В детской же литературе заметно стремление скорее к мягким и романтическим краскам. Очевидно, связано это с распространенным мнением, что юный человек более восприимчив к такому именно колориту повествования, а также с некоторой недооценкой детскими писателями огромной воспитывающей силы строго реалистического изображения революционного подвига.

Между тем завет Белинского, посвятившего несколько специальных статей литературе для детей, гласит: «Не искажайте действительности ни клеветами на нее, ни украшениями от себя, но показывайте ее такую, какова она есть на самом деле, во всем ее очаровании и во всей ее неумолимой суровости, чтобы сердце детей... привыкло бы... находить опору в самом себе».

В следовании этому призыву великого критика видится наиболее плодотворный путь глубокого раскрытия образов борцов революции, чья жизнь была воплощением «коммунистической любви» к людям и великой гуманистической цели их деяний.

Всеобщая польза, польза для народа — вот что движет поступками героев повести З. Фазина «Железный

перстень». Действие ее относится к 1909 и к 1918 годам и, в эпилоге, — к нашим дням. Как эстафета передается в повести перстень, сделанный из железа одного из крупнейших в мире месторождений — Курского. Сначала перстень, а потом лишь рассказ о нем, так как не уцелел он в трудных дорогах, какими идут герои повести, помнящие, куда бы их ни бросала революционная работа, что «у каждого в жизни свой железный перстень», которым он обручен со своей совестью, со своим человеческим долгом.

В центре повести — судьба Акима Сизова, талантливого крестьянского парня из деревни «Соломенная академия», прозванной так потому, что жившие в ней ребяташки принимали живейшее участие в работе ученых-изыскателей. Он один из тех, чья судьба дает повод сказать в повести старому русскому интеллигенту академику Крылову: «Большевики — удивительный народ! Энергия — потрясающая! Точнее бы сказать — они дали выход мощнейшим залежам энергии, которые веками скапливались в народе. И потому я так верю... в них!» Навсегда связав свою жизнь с Курской магнитной аномалией, Аким и сам становится ученым. Ему, вышедшему из народа, с винтовкой в руках отстоявшего родную землю от врагов, была вручена народной властью эстафета железного перстня. Трудом таких, как Аким, поднималась и крепла Советская страна.

С первых шагов, еще в 1919 году, в разгар тяжелых сражений за самое существование Советской власти, виднейшие ее деятели (в повести это В. И. Ленин, наркомы Красин и Чичерин) вели борьбу и на другом фронте: понимая огромную важность освоения природных ресурсов, направляли усилия ученых на это жизненно необходимое для страны дело.

«И какое же это счастье для России, — думает академик Лазарев, — что сейчас загадкой аномалии занялись большевики, и дело приняло такой размах! И это в условиях ожесточенной борьбы!..» Не один лишь размах в действиях молодой Советской власти покоряет сердце и разум ученого. Он восхищен тем, что все мероприятия новой власти направлены не только на сиюминутную, сегодняшнюю пользу, но и предусматривают перспективу, все они вдохновляются подлинным, «реальным» гуманизмом. И Лазарев, как и многие представители научной интеллигенции, начинает беззаветно слу-

жить своими знаниями, своим талантом делу народному, народной власти.

Теме нравственного становления растущего человека в условиях революционной действительности посвящена повесть М. Прилежаевой «Зеленая ветка мая». Произведение это вобрало в себя основной творческий принцип этого признанного советского мастера прозы для юношества: нравственный вывод произведения формируется в процессе наглядной демонстрации поведения героев в конкретной ситуации. Подросток, на долю которого выпадает жить во время величайших сдвигов в истории человечества, может сломиться, растерять то, что заложено в него природой, заглушить голос призвания. В Кате Бектышевой, которую М. Прилежаева проводит через годы первой мировой войны, революции и первых лет Советской власти, неизменно ровным пламенем горит огонек вдохновения, своего жизненного призвания.

По рождению Катя принадлежит к классу, который был определен историей как эксплуататорский. Поэтому с неизбежностью встает перед ней проблема выбора жизненного пути. Верное нравственное чувство помогает ей сделать правильный выбор. Как и у других героев М. Прилежаевой, судьба Кати Бектышевой связана с судьбами страны, народа. И хотя в жизни ее не происходит, казалось бы, ничего экстраординарного, особенного, Катя живет духом и событиями своей яркой эпохи, ей присущи психология и нравственность людей того времени и в этой типичности и есть главная ценность образа.

В центре повествования — становление характера героини под влиянием событий и встреченных на жизненном пути людей. По-детски обаятельной, с непосредственным, наивным и чистым восприятием жизни предстает перед нами Катя в начале повести. Детские радости и недетское горе — умирает мать, убит на фронте первой мировой войны любимый брат Вася... Как жила бы Катя, нашла ли бы она свою дорогу в жизни, если бы рядом с ней не было Ксении Васильевны. Они с Катей — близкие родственники, но родство тут более глубокое, духовное. В «бабе-Коке» тот же дух непокорства, глубокое чувство исторической, социальной справедливости, что всегда отличало лучших представителей русской интеллигенции, что жило и развивалось и в ду-

ше Кати. Интеллигенция и революция — важнейший нравственный аспект повести М. Прилежаевой.

«— Вася, ты сказал, надо решать путь. Какой путь, Вася? Как решать?»

— ...Путь? Знаешь, сейчас появились новые люди, большевиками их называют... Большевик. Тайное слово, мятежное. Говорят, означает оно — борец за справедливость и счастье народа...

— А ты за большевиков?

— Не знаю. Что я знаю о них, их программе, мне убедительно, но я не все знаю... Если встречу большевика, настоящего, не побегу, пригляжусь внимательнее. Катюша, говорят, за ними сила. И правда».

Этот разговор глубоко запал в Катину сердце, и когда встретила она «большевиков настоящих» — сначала председателя сельского совета Петра Игнатьевича Смородина, а потом Максима, курсанта военно-электротехнической школы, на гражданской войне в 19 лет вступившего в партию, то, как бы исполняя завещание брата, поверила в их правду и стала строить жизнь свою так, чтобы помочь этой правде утвердиться на всей земле.

Общие гуманистические принципы писательницы выражены в изображении изменений нравственных представлений Кати Бектышевой. Например, о любви. Сначала — смутные девчоночьи грезы о «поцелуях и любви, но не той любви, какой она любила Васю, а совсем другой, неизвестной, манящей, пугающей», затем идущие от плохих романов представления, что может она быть выражена только «красивыми» словами с подходящими случаю обязательными «аксессуарами», и, наконец, осознание этого великого чувства как слияния человеческих душ в общих порывах, в общих стремлениях и делах, как, в первую очередь, духовной близости. Как мы видим, изменение здесь отнюдь не «возрастное» — происходит выработка социально окрашенных норм морали человека нового общества.

Возникновение нового в нравственности — самое интересное и значительное в повести. Процесс этот, показывает М. Прилежаева, труден и далеко не прост — ведь нужно в дни, когда, как любит повторять бойкая Катина подружка Лина, «кто был ничем, тот станет всем, а кто был всем, тот станет ничем», помнить, что нельзя расти «бездушной и сухой, не видя и не понимая

переживаний и чувств... человека». Иначе распадутся человеческие связи, исчезнет великий гуманный смысл происходящего переустройства мира. Так, в изображении общих для всего народа огромных перемен и сложной внутренней жизни героев повести возникает в ней верный духовный портрет времени. Это ставит ее в ряд лучших произведений на историко-революционную тему для юношества.

Во многом автобиографическая, «Зеленая ветка мая» впитала в себя и мысли об учительстве, которому посвящена большая часть творчества М. Прилежаевой, и опыт ее как писателя, плодотворно разрабатывающего вот уже много лет историко-революционную и ленинскую тему.

«Думать исторически...»

Осознание человеком истории — это в большей степени постижение нравственных норм, той морали, которая лежала в основе действий исторических лиц, управляла событиями в ту или иную эпоху. Интерес к прошлому своего народа, открывая огромные возможности для нравственного воздействия на человеческую душу, служит развитию гражданского самосознания.

Может быть, это обстоятельство привело сегодня к такому соотношению жанров в нашей литературе (вodiнаковой мере это относится и к детской и к взрослой литературе), которое дало основание В. Липатову в рубрике «Литературной газеты» «Сеmидесятые: новое в жизни — новое в литературе» полемически остро утверждать, что в последнее десятилетие произведения исторического плана заняли ведущее место, едва ли не вытеснив тему сегодняшнего дня.

И выбор исторического героя неизбежно подчинен у писателя задачам нравственного воспитания, актуальными для его времени. Еще Тургенев писал об истории: «...Мы изучаем ее в живой связи с действительностью, с нашим настоящим и нашим будущим, которое совсем не так оторвано от нашего прошедшего, как... думают иные». Изучение и передача современниками нравственного опыта прошедших поколений — вот задача художественной литературы в обращении ее к исто-

рии. Чему бы ни посвящал свою книгу писатель — жизни ли пореформенной России, как Д. Брегова в документально-художественной повести «Твоя собственная рапира»; истории ли русского театра, как С. Могилевская в трилогии, состоящей из книг «Повесть о кружевнице Насте», «Крепостные королевны» и «Театр на Арбатской площади»; или событиям XVII века — восстанию вольнолюбивых жителей Пскова в 1550 году, как В. Бахревский в романе «Сполошный колокол», — всюду в центре повествования стоит образ человека, движение сквозь время «человека и человеческого». Глубина раскрытия этого образа зависит от художественного дара писателя, но создается он всегда в стремлении художника создать, открыть характер — тип того или иного исторического времени. А это невозможно без того постижения «истины относительно человеческого сердца, человеческой натуры», о котором говорил Белинский, рассуждая о художественной правде произведений на историческую тему.

К раскрытию образа своего исторического персонажа во всей сложности его человеческих качеств и черт характера, обусловленных эпохой, детские писатели идут разными путями. В. Глинка достигает этого, показывая героя погруженным в детализированный быт своей эпохи. Тщательное воссоздание в его книгах колорита времени, основанное на глубоком научном знании реалий прошлого создает фон для достоверного рисунка и душевной структуры его героя, убедительного рассказа о его поступках.

Это особенно важно для детской книги: дети воспринимают конкретное легче, чем абстрактное, и, поверив в детали, доверчиво следуют за писателем в мир духа героя. Хочется сказать, что «воздух эпохи» овевает чело исторических героев В. Глинки, но при этом сам писатель дышит воздухом современности.

Сказанное относится ко всем его написанным для детей историческим повестям: «Жизнь Лаврентия Серякова» — о замечательном русском гравере, «Повесть о Сергее Непейцыне» и «Дорогой чести». В двух последних рассказана история жизни простого офицера времен Александра I.

Знаменитый механик Кулибин изготовил уникальный протез на шарнирах для молодого артиллерийского офицера Непейцына, лишившегося ноги при штурме

Очакова. Писателю, нашедшему в архивах Академии наук СССР чертежи этого протеза с собственноручным указанием Кулибина, факт этот послужил творческим импульсом к созданию произведения о человеке легендарной судьбы. Несмотря на увечье, Непейцын оставался в строю, а в Отечественную войну 1812 года добился того, чтобы ему разрешили в качестве строевого офицера участвовать в сражениях.

Высокое гражданское самосознание Непейцын проявил и в дни мира — был редким в те времена градоначальником, действительно заботившемся о благе жителей, а не о собственном обогащении. Здесь особенно наглядно проявился творческий метод В. Глинки — от исторического факта (даже предметов, вещей, относящихся к той или иной эпохе) идти к человеку этого времени и раскрывать его духовный мир в сложных взаимосвязях и столкновениях с другими историческими лицами или с персонажами вымышленными, но выписанными не менее достоверно и поэтому становящихся для читателя в один ряд реальности.

Сергей Непейцын как историческое лицо привлек внимание писателя благородством помыслов и желанием служить своей стране до последнего вздоха, до последней капли крови — все его поступки были продиктованы патриотическими, гражданскими побуждениями. И все сложные ходы повести служат тому, чтобы с наглядностью представить читателю эти высокие человеческие и гражданские качества героя. С кем бы ни встречался Сергей Непейцын — с «умельцем» Кулибиным, с художником Ив́ановым, с полководцем Кутузовым, — всюду в этих связях он выступает как носитель высшей народной правды, народной нравственности. При этом, как верно заметил критик В. Оскоцкий, подлинного героя В. Глинки нельзя назвать героем из народа. Но он близок к народу потому, что неприятие социальных контрастов крепостнической действительности, сословной, кастовой морали верхов опирается у него на народный нравственный опыт, народные представления о чести и достоинстве человека, а мужество, бесстрашие, храбрость рождены традициями народного патриотизма.

Народный характер в его моральных и этических проявлениях находится в центре внимания и в «Истории унтера Иванова», рассказывающей о трагической судь-

бе конногвардейца Александра Иванова, героя Отечественной войны 1812 года.

Бесчеловечная каждодневная муштра, жестокие телесные наказания, воцарившиеся в русской армии после 1815 года, производили столь заметную убыль в полку, в котором служил Иванов, что на это обратил внимание даже император, приказавший представить «самое подробное изъяснение причины столь значительной убыли нижним чинам лейб-гвардии в Конном полку, коих рапортом... показано умершими от болезней и через лишения себя живота 66 унтер-офицеров и кирасир». «Лишить себя живота» собрался и Иванов, доведенный бранью и побоями командира полка барона Вейсмана до полного отчаяния. Помогли старые товарищи, с которыми вместе прошли по дорогам Европы, делили и холод и голод, не раз выручали друг друга в стычках с врагом.

В. Глинка и в этой повести тщательно воссоздает обстановку, в которой действуют его герои, — мир бесправия, унижения и издевательств.

Что мог противопоставить этому человек, находившийся в самом низу огромной монархо-бюрократической пирамиды России первой половины XIX века? Где мог найти он опору своему духу, не до конца еще истребленному почти нечеловеческими условиями существования?

Мрачному аракатеевскому миру противостоит в повести человеческая личность с присущей ей как бы изначально верой в торжество справедливости и добра, с верой в других людей, наделенных, как и он, чувством достоинства и мужеством. Такие люди составляют в повести некое братство, основанное на законах взаимовыручки — только так можно выжить человеку, наделенному умом и живыми чувствами, в обществе, опирающемся на произвол и тиранию. В братство входят и выслужившийся из простых солдат генерал Ставракин и полковые товарищи Иванова — вахмистры Жученков и Елизаров, и «полубарыня» Дарья Михайловна и еще многие.

Все больше становится членов этого братства, исповедующих один и тот же закон высокой народной ответственности, все шире захватывает оно разные социальные слои. И вот судьба сталкивает Иванова с теми, кто решился пожертвовать собой во имя общего блага —

с Одоевским, Кюхельбекером, Бестужевыми, Рылеевым... Но на Сенатскую площадь Иванов вступил в рядах своего «усмирительного» полка. В повести подготовка к восстанию, смутные слухи об «обществах» и само восстание даются через восприятие простого солдата. И горечь обманутых надежд на освобождение миллионов крестьян звучит пронзительной личной нотой — Иванов жил одной лишь мечтой выкупить из крепостной неволи свою семью.

Так, через переживания героя, связанные с событиями на Сенатской площади, В. Глинка доносит до читателя исторически важное обстоятельство, приведшее декабристов к неудаче — простой народ совершенно не был подготовлен к тому, чтобы следовать за ними, не были готовы и солдаты, хотя всем сердцем большинство из них сочувствовало «бунтовщикам».

Верное соотношение факта, документа и вымысла — проблема чрезвычайно важная для писателя-историка. В лучших произведениях для детей на историческую тему точность исторических деталей сочетается с необходимой для любого художника свободой фантазии при сочетании этих деталей, пересечении биографических линий невымышленных героев, — ведь произведение на тему истории это, по словам Белинского, точка, «в которой история как наука сливается с искусством». Этический аспект такого взгляда на соотношение документа и вымысла не раз становился предметом обсуждения в нашей критике. В какой мере писатель может себе позволить домисливание? Очевидно, в той, которая не нарушит внутреннюю логику описываемых событий и логику характеров выбранных персонажей, а главное, чтобы все это служило идее книги.

В основе историко-приключенческой повести В. Базина «Дорогой богов» лежат подлинные события и документы, но выбор их, их переплетение в повести «работают» на главный нравственный вывод книги: нельзя чувствовать себя свободным, когда другие в рабстве, и нельзя быть счастливым, когда рядом с тобой несчастье. Иван Устюжанинов, герой повести, встречается в ней с Фридрихом Шиллером. В данном случае важна не историческая достоверность этого события, а то, что юный читатель обретет из его описания представление о круге мыслей персонажей, увидит их благородство, и что в душе его, может быть, произойдет чудесное сопря-

жение этой сцены с несколько раз повторенными в книге великолепными словами Паскаля: «Все наше достоинство состоит в мысли. Постараемся же хорошо мыслить: вот основа нравственности».

Яркие личности предстают перед читателем в повести: поповский сын с Камчатки Иван Устюжанинов, ставший «королевичем острова Мадагаскар», польский граф и венгерский барон Морис Август Бенъовский, чьи невероятные приключения и составляют сюжет повести, а также другие исторические лица, с которыми сталкивает героев воля автора — Суворов и Джордж Вашингтон, Сен-Симон и Костюшко. Поражая воображение юного читателя, они дают ему пример стойкости и мужества и вместе с одним из персонажей повести, посланным на каторгу декабристом Луцким он будет потрясен тем, что «никогда не теряли они надежды — даже когда им угрожала, казалось бы, неминуемая смерть. Они не вешали головы, а, назло всем и вопреки всему, шли вперед — через бури и сражения. И путь их был труден, ох как труден, но они не искали другого, более легкого пути, потому что знали, что только тернии и крутизна — дорога богов».

Проблема историзма художественной мысли — едва ли не главная проблема литературы на тему истории стоит особенно остро в произведениях, предназначенных для юного читателя. Детский писатель должен ясно представлять себе, какие традиции минувших веков созвучны идеалам современности, критериям социалистического гуманизма и нормам социалистической морали. Только утверждая лучшие из них — прогрессивные, демократические, революционные, — детский писатель будет участником общего идейно-воспитательного процесса. В современном решении этого вопроса чрезвычайно важна соотнесенность с учением Ленина о двух культурах в каждой национальной культуре.

Нравственно-философское осмысление истории невозможно без высокого уровня социально-аналитического исследования характеров и обстоятельств, без верных классовых оценок событий и героев.

В романе К. Бадигина «Корсары Ивана Грозного» события XVI века, происходившие в царствование Ивана IV, прозванного Грозным, предстают не как единый поток очищенной от какого бы то ни было социального драматизма национальной жизни того времени,

а возникают перед читателем в кровавом свете утвердившейся путем деспотизма и насилия царской власти.

Писатель воссоздает атмосферу тех страшных лет, когда маниакальная мнительность Ивана Грозного превратила страну в пыточный застенок и когда под предлогом объединения русских земель под эгидой московского государя загубливались тысячи людей ни в чем неповинных или тех, кто своими способностями и популярностью в народе казались опасными соперниками царю. Но в то же время царствование Ивана IV — эпоха экономического и политического подъема, в результате которого Россия стала могущественным государством. Деятельность Грозного как политического деятеля, противоречивость его натуры, бурные вспышки сопротивления гнету и произволу не только со стороны народа, но и со стороны представителей феодальной аристократии и духовенства — вот слагаемые исторического процесса, воссозданного К. Бадигиным. Все эти события оценены автором с точки зрения народной нравственности, выразителями которой в романе выступают в первую очередь простые русские люди — Степан Гурьев и его жена Анфиса.

Об историзме художественной мысли можно говорить и в отношении романа В. Лебедева «Утро Московии». Посвященный созидательной силе народа, его восприимчивости ко всему, что несет с собой прогресс, роман демонстрирует потребность детских писателей-историков выделить в истории именно те ее, в первую очередь нравственные, тенденции, которые, прокладывая себе дорогу в прошлом, работали на сегодняшний день. Героями романа выступают типичные и в то же время талантливейшие представители народа — старик Ждан Виричев, его сын Шумила и внук Алешка, установившие на башне Кремля первые «бойные» часы, Степан Мочехин, колокольных дел мастер, Пчелкин, искусник по изразцам. Рассказано и о судьбе Андрея Чохова, отлившего царь-пушку. Их образы, концентрируя в себе лучшие народные черты, несут читателю художественно выраженную мысль о решающей роли народа как подлинного творца истории, движущей силы общества.

Историческая проза для детей сегодня как никогда ранее отражает возросшее национальное самосознание народа, понимание им своего места в движении миро-

вой истории. Тем самым историческая проза становится школой воспитания современного, многонационального читателя в духе советского патриотизма и социалистического интернационализма.

Роман К. Икрамова «Пехотный капитан» посвящен своеобразной трансплантации идей декабризма (во многом, как известно, сложившихся под влиянием французского просветительства) в условиях феодальной Хивы. С русским офицером Николаем Федоровичем Ельцовым, подозреваемом в связях с декабристами, бежавшим из-под ареста и проданным разбойниками в рабство хивинскому хану, до молодых хивинцев, с которыми его сталкивает жестокая судьба, донесся свежий ветер гражданского самосознания. В страшных муках погибают юноши, учившиеся у капитана Ельцова самопожертвованию в борьбе за справедливость, воспринявшие его прогрессивные взгляды. Но в жизнь Хивинского ханства, утонувшего в пучине невежества, тупого фанатизма, безжалостного угнетения бедняков отныне пробился хоть и слабым еще лучом свет просвещения и общественного прогресса, а погибшие юноши стали для своего народа провозвестниками национального возрождения, высвобождения разума из цепей средневекового мракобесия.

Глубокое патриотическое уважение к минувшему, которое, по словам Пушкина, отличает «образованность» от «дикости», несут детям младшего возраста исторические повести С. Алексеева, вновь изданные в 1976 году. Для нашего времени пушкинская мысль звучит как утверждение необходимости уважения к минувшему для духовного становления, духовного созревания личности.

Историческая память народа сохраняет на века подвиги во имя людского счастья, подвиги самопожертвования и любви к людям. «Не забудет смелых русский народ. Внуки и правнуки нас не забудут», — восклицает Емельян Пугачёв над гробом маленького героя в повести «Жизнь и смерть Гришатки Соколова». С. Алексеев вводит своего читателя в самую гущу бурных исторических событий, происходивших почти двести лет назад и сохранившихся в памяти народной, в сказках, песнях, в преданиях. Сказовая интонация — и в зачине повести: «Жил Гришатка с отцом, с матерью, с дедом Тимофеем Васильевичем и сестренкой Аннушкой в селе Тоцком...»

Герой повести — из народа, и повесть судит о своих исторических персонажах и с точки зрения народной нравственности и с точки зрения ребенка, оказавшегося в соприкосновении с личностями, чьи имена стали почти легендарными — с Пугачевым, с Хлопушей и другими пугачевскими «сотоварищами».

Драгоценный дар такого двойного зрения помогает писателю выделить в своих исторических героях именно те черты, которые будут понятны и желанны детям-читателям, вызовут у них чувство признательности и уважения. Пугачев, отпустив деда Кобылина, пытавшегося отравить его («да еще этому супостату десять рублей пожаловал»), сказал: «ступай в свой Оренбург. Не имею на тебя зла, потому что человек ты глупый и темный». А все потому, что Емельян «к людям доверчив», — подводит итог этому эпизоду народная молва. И доверие поднимает в душе деда то, что, казалось, уже давно умерло в ней под барскими пинками и розгами — чувство человеческого достоинства. А когда, обнаружив пожалованные ему Пугачевым деньги, стали мучить его царские сатрапы, «встребенулось что-то в деде Кобылине, рванулся он к губернатору:

— Изверг! Губитель!..

Собрал старик последние силы, плюнул в лицо Рейндсдорпу и тут же упал как подкошенный».

Вероятно, и маленький читатель С. Алексеева задумается вместе с Гришаткой, может быть, впервые в жизни над тем, что же дает человеку право вести за собой других людей, и какую же нужно иметь веру в правоту своего дела, чтобы она, эта вера, им передавалась, составляя не «жалеть живота своего» во имя свершения вековой мечты — «народного царя», народной власти.

«...Ради жизни на земле»

Та же глубокая и важная мысль — привить детям уважение к минувшему, дать им почувствовать непрерывность традиции героического свершения во имя родной земли и блага людей лежит в основе и книги С. Алексеева «Идет война народная».

Для тех, для кого пишет С. Алексеев, время Великой Отечественной — это уже время, «когда дедушка был

молодым». Представить малышам все величие всемирно-исторического подвига советского народа, раскрыть его гуманистический характер — дело не только чрезвычайной важности для коммунистического воспитания, но и дело большой сложности. Как правдиво и в то же время не рана нежную душу ребенка рассказать ему о самой кровавой битве в истории человечества? Какими средствами донести до него мысль о том, что фронт — это не только кровь, страдания и смерть, но это еще и высшие взлеты человеческого духа, и способность к самопожертвованию, людское братство?

С. Алексеев, создавший едва ли не самую монументальную пока книгу о войне для маленьких. — «Идет война народная», для достижения всего этого выбрал тип повествования, построенного на романтизированно сказочном освещении реальных фактов и событий Великой Отечественной. Короткие рассказы, в которых проходят памятные эпизоды войны — от осени 41-го года, когда фашисты рвались к Москве, до того майского дня 45-го, когда на рейхстагом взвилось Красное знамя Победы, — складываются в эпическое полотно, исполненное духом величавого подвига многомиллионного народа, вставшего в едином строю на защиту Родины.

В этой книге — живые голоса участников войны, трагические и героические судьбы, высокие образцы силы человеческого духа. И летчик комсомолец младший лейтенант Виктор Талалихин, и генерал Панфилов, и вчерашняя десятиклассница комсомолка Зоя Космодемьянская, и Рубен Ибаррури, павший у стен Сталинграда в бою за свою вторую родину — Советский Союз, и рядовые — «33 богатыря», стоявшие насмерть на «важной высоте», — все они предстают в книге примерами самоотверженности, жизненной и нравственной стойкости. Задача такого рода примеров — сеять в детских душах то высокое чувство, которое зовется патриотизмом, порождать в поколениях непрерывную цепь подвигов во имя людей.

Документально-художественное претворение темы Великой Отечественной войны — одно из важнейших направлений во всей советской литературе на военную тему. Нравственно-воспитательный потенциал подобного рода произведений очень велик — они несут на себе особенно отчетливые черты того явления в нашей жизни, в нашей литературе, которое мы называем «военной па-

мью» и без которой невозможно сегодня представить себе духовный мир наших людей.

Военной памяти народа служат и те произведения, создатели которых делают предметом художественного исследования собственный военный опыт. Для этих писателей главное — рассказать современному читателю о том, что вынесли они сами, побывавшие в юности в беспощадном огне войны, ибо они убеждены, что уберечь следующие поколения от всего этого поможет напоминание о войне, о горе и страданиях, которые несет она с собой. Жестокий реализм этих книг кажется иногда беспощадным по отношению к восприятию ребенка, но в любой из них из военного пепла встает живая душа человеческая, всегда, даже в самых страшных обстоятельствах, открытая для любви, дружбы, участия. В этих книгах есть то, что Горький называл «преодолением трагедии, преодолением смерти».

Ю. Когинев предваряет свою книгу «Мина на большаке» словами, что это «не мемуарные воспоминания», однако чтение ее вскоре убеждает, что война неотступно стоит в его памяти, иначе мы не смогли бы столь остро почувствовать, пережить вместе с ее героем Игорем те эпизоды «партизанских будней», которые и составляют сюжет повести. Ему только-только исполнилось семнадцать, в ушах еще звенит последний школьный звонок, но его уже властно вытесняют зловещие и грозные голоса войны. Характерное свойство мировосприятия поколения, вступившего в войну почти подростками, — ясно осознанное ощущение себя как части великого целого. Вероятно, отсюда «обычность» тона всей повести: цель ясна — бить врага, пожертвовать собой для Родины; здесь не остается места для патетики, для ощущения своей возможной гибели как трагедии.

Заряд внутреннего оптимизма был у этого поколения огромен, и несомненно его значение в исходе войны. Чувство долга для них органично и естественно составляет неотъемлемую часть их внутреннего мира. Особую достоверность характеру главного героя, идущую от подлинности изображенного времени, придает, например, такая деталь: Игорь совершенно не задумывается о том, что среди тех, кому он готовит гибель, могут быть и антифашистски настроенные немцы. Автор не корректирует чувства своего героя с позиций дня сегодняшнего, для него самое важное — донести до своего читателя

сжатые в пружину ярость и ненависть солдата, воюющего за правое дело.

Реальный опыт войны — вот что составляет ценность повести, обращенной к детям. «Наверное, и война кончится, а над Россией все еще будет тянуть горьким, перехватывающим горло запахом пожарищ. Потом, со временем, пепел развеется. Зола станет землею, на которой расцветут сады. Но я, наверное, навсегда запомню, как пахнет война», — говорит герой повести, и в этих словах простая и исчерпывающая ее правда, ее нравственный урок потомкам.

Реальным опытом войны рождены, вероятно, и та особая весомость, объемность и простота деталей, которые составляют стилевой принцип повести. «Я, может быть, какой-нибудь эпитет — и тот нашел в воронке под огнем», — сказал о себе поэт Сергей Орлов. Так могли бы сказать о себе многие писатели, прошедшие войну. Так могут сказать о себе и Юрий Когин, и Алексей Очкин, чьи реальные военные биографии могли бы быть сюжетами рассказов в книге С. Алексеева «Идет война народная».

Как и Ю. Когин, в неполных семнадцать лет вступивший в партизанский отряд, А. Очкин почти подростком, в 16 лет, оказался в самой гуще военных событий, участвовал в Сталинградской битве, на Курской дуге повторил подвиг Александра Матросова, но несмотря на тяжелые ранения, дошел по дорогам войны до Берлина и Праги. И в его повести «Иван — я. Федоровы мы» — исполнение морального долга оставшихся в живых рассказать о павших.

А. Очкин пишет о своем друге, в четырнадцать лет геройски погибшем в Сталинграде. О мальчишке, на долю которого выпало перенести и пережить столько, сколько другому, даже взрослому участнику войны, и не вынести. Рядом с ним гибли те, кто заменили ему семью, — солдаты из его батальона; он видел, как принимали смерть на берегу Дона комдив и капитан, которыми он по-мальчишечьи горячо восхищался; он видел, как его друг лейтенант Дымов в горячке боя пытался поднять в атаку даже мертвых, угрожая им пистолетом, и его поразил ужас в глазах санинструктора Ани, а в одном из следующих боев он увидел эти глаза уже застывшими... В повести Очкина дан процесс созревания героического в душе подростка. Процесс этот — ускоренный,

происходит он, как определил Ю. Бондарев, «в жгучей накаленности решающих обстоятельств».

«Все гуще рвутся снаряды вокруг Ваниного ровика, и видит Дымов, как у мальчишки выпал автомат, схватился он за левую руку... Раздробило Ване локоть,— боль такая, что мочи нет... Он остервенело швырнул гранату, вторую, третью... Кровь хлестала из перебитой руки, а он все бросал, будто ненависть погибших воплотилась в нем одном... и бойцы вслед за ним делали то, что казалось невозможным, сражались небольшой группкой против десятков вражеских танков, обороняя в северной части Сталинграда родной клочок земли... Но вот разорвался снаряд, у юного бойца оторвало кисть правой руки... И лейтенант, и комиссар, и все бойцы увидели, как над пылающей, исковерканной землей поднялся Ваня с гранатой в зубах и, подавшись вперед острым плечиком, смело пошел навстречу ревушим танкам».

Начатая шолоховской «Судьбой человека» и богомоловским «Иваном» традиция правдивого и жестокого в этой своей правде изображения детей на войне идет от стремления писателей показать, во что обошлась победа над фашизмом. Цените и берегите жизнь, как бы говорят нам их произведения, за нее заплачено самой дорогой ценой, какая только может быть на земле,— слезами и кровью детей.

«Смерть всегда преждевременна,— думает герой известного романа С. Баруздина «Повторение пройденного».— Я никогда не видел, как умирают столетидесятилетние и даже столетние. Я видел, как умирают те, кому не было и пятидесяти, и сорока, и тридцати, и двадцати. На войне от свежих ран и не на войне от старых. Умирают — не дожив, не долюбив, не дорастив детей, не доработав. И пусть живущие помнят об этом. Живущие, которые живут, потому, что не дожили те...»

В романе, военный сюжет которого «окольцован» главами из наших дней, настойчиво звучит этот рефрен — напоминание о долге живущих сегодня перед теми, кто не пришел с войны, о долге перед настоящим и будущим. Герой романа живет обостренным восприятием подростка, застигнутого войной в родном гнезде, которому грозит разорение. Под угрозой все то, что дорого, без чего жизнь неминуемо должна прекратиться. В герое Баруздина сильны черты подростка предвоенных лет с

ясной и непоколебимой верой во впитанные с раннего детства идеалы.

Он хранит под подушкой «Дикую собаку Динго или Повесть о первой любви», в трагический день 16 октября 41-го, в день, когда над Москвой особенно сгустились тучи вражеского нашествия, он, как первую вещь, которую хватают при пожаре, прижимает к груди гайдаровскую «Школу» с собственноручной подписью автора. И когда исполнилась, наконец, его горячая мечта — попасть на фронт, то и туда, в огонь страшной войны, он приносит свой цельный духовный мир, мировосприятие советского юноши, воспитанного на идеях гуманизма, добра и справедливости. И здесь он живет напряженной духовной жизнью, живет всей полнотой чувств, которые не могут погасить даже «ужасы войны». Через всю войну пронесит герой Баруздина чувство к Наташе — своей первой любви. Оно становится все глубже и мудрее от страницы к странице, впитывая в себя опыт жизни, опыт войны, назначавшей свою особую цену смерти и жизни, ненависти и любви.

В короткие передышки между боями герой Баруздина размышляет о Родине, о том, что составляет это особое, ни с чем в мире не сравнимое понятие — родина, о ценности и смысле слов и дел в мирное время и в годы величайших испытаний. «Как часто к случаю и без случая мы производим святые, полные глубокого смысла и волнения слова. И смысл их стирается, слова доходят только до уха, а не до сердца. И кто-то привыкает к этому с детства, и высокие слова не трогают его. Как бумажные цветы, как ватный снег. И так можно прожить всю жизнь... Но вот приходят испытания для тебя, для твоего народа, для твоей страны, и стертые слова оживают в первоначальном значении. И люди идут с этими словами на смерть. И с ними побеждают все испытания. И с ними радуются победе и оплакивают убитых, с ними качают на руках новорожденного ребенка и поднимают из руин разрушенное... Эти слова у нас в самом сердце, а вернее — это даже не слова. Это — чувство родины».

В тот день, когда погиб, совершив свой беспримерный подвиг Ваня Федоров, под Сталинградом «решалась судьба нашей Родины, многих народов мира». Ваня тогда не мог представлять себе все так отчетливо, за него эту важную мысль сформулировал писатель в эпилоге повести о нем. Между тем потому мы и выстояли и по-

бедили, что к победе вело нас не только «чувство родины», но и чувство ответственности за судьбы всех людей Земли, всегда оставлявшее, как и первое, неотъемлемую часть духовного мира советского человека. И у героя произведений на тему Великой Отечественной войны эта черта проявляется непосредственно и ярко в мыслях и в поступках, освещая их светом всеобщей человеческой солидарности, исторического оптимизма.

В романе С. Баруздина, как и во всех лучших произведениях о Великой Отечественной войне, неизбежно возникает противостояние духовно богатой личности, живущей даже в условиях войны всей полнотой чувств и эмоций, темному миру тотального насилия и жестокости фашизма.

На обложке книги В. Огнева «Зеленое, красное, зеленое» — разметанные ветром нотные листы на фоне противотанкового «ежа». Художник нашел верное графическое выражение смысла повести В. Огнева. В ней — органическая несовместимость со всем, что составляет фашизм, что несет с собой война, не только истинно человеческих чувств, но и, главное, — разума, таланта. Это повесть об интеллекте в минуту величайшего нравственного испытания. И о том, как он побеждает в общем историческом итоге. «Листки, оборванные и обожженные по краю», каким был дневник Саши, прочитанный уже после войны его другом детства Борисом, открывают перед юным читателем напряженную духовную жизнь умного, талантливого человека, почти его сверстника, на войне.

Все, что наблюдает Саша, с чем он сталкивается, дает ему пищу для глубоких раздумий и сопоставлений. По-новому пересматривает он все, в чем был убежден раньше, в очень давнем, как кажется ему, довоенном времени. «...Все вспоминается, как что-то детски-нелепое, нелогичное, непонятное, курортно-незначительное; это нельзя было поставить рядом с кровью, ветром, верностью случайных, но на всю жизнь остающихся в памяти сердца попутчиков, серьезностью мыслей о долге, мужестве, достоинстве, радости жизни...»

Саша размышляет о Сервантесе, Шекспире, Тургеневе, о том, «почему с годами не расширяется мир нашей мечты, а, наоборот, сужается, становится реальнее, трезвее, практичнее?» О матери, о любимой девушке. И о

главном в те трудные месяцы и годы — о победе: «Мы отступаем, а я, наоборот, все больше верю в победу».

«Скоро, скоро мы кончим эту тяжелую войну,— записывает в дневнике Саша,— и я начну писать как одержимый. Только теперь я буду иметь право сказать людям так, чтобы они не могли и сомневаться, что я имею для этого основания. Только сейчас получил я право на песню.

Впереди все новое — жизнь, надежда, любовь
Начнется жизнь!

Неужели я увижу море?»

«Моря он не увидел. Он упал в песок, промерзший зимний песок калмыцких степей. Он бежал в атаку и кричал «ура». Он упал, подогнув ногу и отбросив автомат... Вот и все о моем друге. О его короткой жизни. О судьбе, которая уже в самом начале так много обещала». Весь трагизм войны встает в этих скупых словах, которыми Борис (уже из наших дней) заканчивает рассказ о своем друге. Погиб Саша, и не стало целого мира чувств, мыслей, того неповторимого, что составляет индивидуальность человеческой личности, талайт.

Так реквием по павшим сливается в книгах для детей о войне с размышлениями о несопоставимом ни с чем в истории нравственном подвиге советского народа, отдавшего за мир на земле, за счастье человечества даже талантливейших своих сыновей, может быть, будущих великих писателей, музыкантов, живописцев, ученых...

Для тех писателей, в жизни которых война — это четыре года детства, наполненных недетскими переживаниями и тяготами, каждодневной тревогой («от папы нет писем!»), обращение к военной теме — это исполнение нравственного долга современного человека, человека, обязанного самим своим существованием тем, кто не жалел своей жизни, защищая Родину. Фронтовые письма отца — без марок, сложенные военным треугольничком, сохраненные В.Разумневичем для его маленькой дочери Наташи, — это уже письма из истории, потому так важно то, что в ткань его книги «Письма без марок» столь органично включились эти подлинные человеческие документы, огромную воспитательную силу которых трудно переоценить.

«Жизнь моя,— написал отец 13 апреля 1942 года,— протекает, конечно, не так легко, потому что война, и

все это создает трудности, их надо переносить. Вот скоро победим фашизм и тогда займемся мирным строительством. Враг держится упорно, но его надо выбить! И мы выбьем!» Следующее письмо отца было уже последним. В. Разумневич находит какие-то удивительно верные слова, рассказывая Наташе и ее сверстникам об огромном горе: «Хочется крикнуть: «Папа! Папочка! Неужели тебя больше нет? Не верю! Не верю! Ты жив, жив, жив!»

Но в руках у меня письмо со страшным словом: «погиб»...

Так вот почему ты так долго молчал, не писал нам...

И никогда больше не придут от тебя письма».

Сама ритмика авторской речи передает сдавившее детское сердце горе, нервную дрожь, «словно на лютom морозе». Трагическое в книге В. Разумневича находит нравственное разрешение в чувстве общности своей судьбы с судьбой народа («у четверых моих школьных товарищей погибли отцы на фронте»), в чувстве высшей необходимости жертвы во имя Родины: «Отец был храбрым человеком... А Гитлер потому и попятился от Москвы, что весь народ поднялся против него и никто не струсил». В повести — и чувства мальчика военных лет, встретившегося с предательством — не в играх, а с «запавдашним», олицетворенным в «злом и бородатом», оборванном, «со впалыми обмороженными щеками» дезертире, пойманном всей деревней в лесу: «Лучше погибнуть в бою, чем жить трусом, прятаться от опасности». Мужчина, не разделивший общей участи мужчин во время вражеского нашествия, отказавшийся быть защитником, — достоин презрения.

Отец везет маленькую Наташу по местам, где воевал ее дедушка, рассказывает ей о своем военном детстве, о том, что он пережил и перечувствовал. Из этих рассказов, из фронтовых писем деда-коммуниста, из переданных писателем чувств девочки, связанных со всем, что она встретила в пути и описала в своем школьном сочинении, складывается как бы нравственная азбука для современного маленького человека, приобщающая его с первых жизненных шагов к реальной, конкретной, «длящейся» памяти нашего народа о Великой Отечественной войне.

Стремление к установлению внутренней связи со старшим поколением, которое вынесло на себе огромные,

ни с чем не сравнимые тяготы войны и послевоенного времени и устояло, не сломилось, сохранив в себе то, что составляет передающееся от отцов к детям ядро национального народного характера, свойственно и другим писателям, для которых память войны сливается с памятью детства. Свойственно оно, например, молодому писателю В. Будакову и особенно ярко выражено в рассказе «В Стародонье вода светла» из сборника «Колодец у Белой дороги».

Исповедальная нота характерна для многих писателей, соприкасавшихся с темой военного детства. У В. Будакова эта нота сочетается с попыткой остросовременного «прочтения» собственных воспоминаний. Воссоздавая детские чувства своего героя (свои чувства!) в годы войны, В. Будаков не отказывается от возможности проанализировать их с точки зрения дня сегодняшнего, установить связь тогдашнего состояния ребенка с сегодняшним бытием его — уже взрослого. Память сохранила щемящее чувство тоски по отцу, ушедшему на фронт, и В. Будаков размышляет о нравственных возможностях нашего народа, вглядываясь, уже сегодня, в постаревшего человека, «в котором еще можно узнать того высокого капитана, что поднимался в атаку с горсткой бойцов в мартовский талый день у польской деревушки», и разговаривая со своим сыном, которому 6—7 лет — столько, сколько было самому писателю в годы войны.

В детской литературе за последнее время появилось немало произведений на тему военного детства, для которых характерно заострение социально-нравственных коллизий, вбирающих в себя не только военный, но и жизненный опыт писателя вообще, как человека, размышляющего над важнейшими вопросами морали современной личности, над истоками таких ее черт, как верность долгу, идее, трансформации ее под влиянием чрезвычайных обстоятельств.

В повести К. Икрамова «Семенов» на глазах у мальчика Толи Семенова происходит превращение «ответственного» работника, как он себя называл, Козлова, ходившего всегда в полувоенной форме, в полиция, выдававшего фашистам советских людей, в том числе и Толину мать и сестру Эльвиру — члена подпольной группы. А руководителем этой группы становится Леонид Сергеевич Щербаков, бывший чапаевец, но к началу войны «беспартийный и штатский». Главный нравствен-

ный конфликт своей повести писатель как бы прямо олицетворяет, материализует в образе циркового укротителя Физикуса, переименовавшего «удава капитализма» в «удава коммунизма» и выступающего с этим номером перед немцами. Истоки приспособленчества исследуются писателем очень тщательно. Беря за исходное мысль о том, что плохие люди больше похожи друг на друга, чем хорошие, он выводит своеобразную формулу приспособленчества и предательства, которое вырастает там, где есть для этого подготовленная почва: беспринципность, старание казаться более значительным, чем ты есть на самом деле, жестокость и тупой эгоизм, неспособность поставить себя на место того, кому сейчас плохо, душевная черствость.

«Хорошие люди больше разнятся между собой, чем плохие» и К. Икрамов показывает в своей повести различные нравственные пути, ведущие к подвигу, к самопожертвованию. Толя Семенов совершил свой подвиг потому, что в его маленьком сердце жила любовь. Естественная любовь к близким — к матери, к сестре, сливалась у него с огромной любовью к своей стране, поэтому душа его открыта словам, которые говорит ему Щербаков: «Для нашей Родины в данный момент очень важно, чтобы ты любил и берег мать и сестру. Любил и берег... Для каждой страны очень важно, чтобы дети любили своих родителей». Любовь и ответственность за Родину, за друзей движут мыслями и поступками Толи, ведут его к героизму. Ему свойственна и душевная тонкость, способность к сопереживанию, прощению. Отец, бросивший семью, прощен им, когда он видит его изможденным, окровавленным в теплушке с военнопленными.

Любовь и верность — главные качества и Щербакова. Любовь к женщине, на которой женился, хотя она была «чуждым элементом». Верность Родине — имевший право «обидеться», он первым подал заявление с просьбой отправить его на фронт. «У него порой возникали мысли и о том, что среди солдат Гитлера далеко не все фашисты, что есть или должны быть среди них люди честные и порядочные, которых жаль лишать жизни». Писатель наделяет своих положительных персонажей качествами, которые позволяют сделать для читателя наглядной мысль о том, что победой над темными силами зла, олицетворенными в фашизме, в конечном итоге

наш народ обязан не только своему мужеству и сплоченности перед лицом опасности, но и в огромной мере тому, что вдохновлен он был на борьбу идеями добра и гуманизма, и что в его нравственный опыт вошло передававшееся из поколения в поколение то особое чувство, которое может быть названо чувством социально-исторической справедливости.

Исследование истории нашего народа ведется детской литературой с позиций современности и ради современности. Будь-то события далекого прошлого или те, от которых нас отделяют шестьдесят или тридцать лет — события Великой Октябрьской революции, Великой Отечественной войны, усилия писателей неизменно направлены на отыскание и закрепление в сознании ребенка нравственных примеров, важных для сегодняшнего дня. И само обращение художника к прошлому, далекому или близкому, есть, как представляется, важный нравственный акт, в основе его должно лежать то нравственное побуждение, суть которого еще две тысячи лет тому назад выразил Плутарх в известных словах: «Глядя в историю словно в зеркало, я стараюсь изменить к лучшему собственную жизнь и устроить ее по примеру тех, о чьих доблестях рассказываю».

Утверждая связь поколений

Воспитать в душе ребенка уважение к минувшему, чувство благодарности к людям, жившим, работавшим, сражавшимся для того, чтобы ты мог сегодня быть счастлив, как бы обострить нравственное зрение, направленное в прошлое, — этой задаче посвящают свои книги сегодня многие детские писатели.

Ю. Коринец в романе «Привет от Вернера» раскрывает духовную связь поколений через восприятие ребенка. Поднятые в нем проблемы, хотя и не выходят за границы круга, очерченного возрастом (младшим и средним), подводят читателя к решению вопросов, с которыми ему неминуемо придется сталкиваться во взрослой жизни.

Наряду с «живыми», в романе «действует» и памятник Воровскому. Памятник стоит во дворе дома Наркоминдела, где живет семилетний Юра. Родители, рабо-

тавшие когда-то с Воровским, много рассказывали о нем сыну. И он постепенно становится для мальчика непревзойденным нравственным авторитетом, ведь он знает от отца, что это человек, отдавший свою жизнь до последней минуты за счастье других людей и поэтому имеющий право говорить и судить о самых важных в жизни вещах.

Воровский стал духовно близок маленькому Юре потому, что то, чем жил Воровский, чем жили большевик-ленинцы, сохранялось бережно и его родителями, и отцом девочки Гизи — немецким антифашистом Вернером. Смерть Воровского от руки белогвардейца Конрада, которая возникает во всех деталях в Юрином воображении, и реальная смерть Вернера во время рабочей демонстрации в Берлине, куда Юра попадает вместе с родителями, потрясают мальчика — ведь «в этом была наша трагедия — трагедия бессилия: видеть, как убивают твоих друзей, и молчать...» Сложное временное построение романа позволяет автору, показывая события своего детства, передавать читателю свое сегодняшнее к ним отношение, как через самую художественную ткань романа, так и в прямых обращениях.

Непрерывность революционной традиции — одна из главных мыслей романа. Революция «может быть и без войны», говорит Юре Воровский, «учиться, сомневаться, переделывать, ненавидеть и любить — это тоже революция!» Революция — как неотъемлемое свойство настоящей жизни, настоящего дела, объединяющее людей Земли, по существу, и есть герой романа Ю. Коринца, что определяет и его интернациональное звучание.

«Привет от Вернера» — «политическая книга», так сам писатель назвал свой роман на одной из литературных дискуссий в ФРГ. «И если... ребенок после прочтения моей книги возненавидит фашистов, станет гуманнее, добрее, поймет, что коммунистические идеалы — это самые прекрасные идеи в мире, то моя авторская цель будет достигнута. Это и есть моя политика».

На страницах романа проступает и образ самого детства — прекрасного времени человеческой жизни, когда столь остры впечатления и переживания, когда безошибочно распознаются хорошие и плохие люди, и ближе тебе — хорошие, да и вообще все хорошее вокруг становится как бы твоим личным достоянием. Поэтому, обращаясь автор к читателям, «пусть ваше детство будет

медленным и прекрасным. Как безоблачное утро в тумане. И никогда не спешите с ним расстаться, несмотря на то, что порой вам так хочется этого. Пусть оно идет медленно и получше запомнится вам», ведь детство «самое прекрасное и мудрое время».

Именно такой взгляд на детство помогает писателю обращаться к ребенку с важнейшими вопросами человеческого бытия, приобщать его к своим идеалам. А это чрезвычайно важно, ведь заложенное в детстве остается с человеком на всю жизнь.

У более взрослого, чем в романе Ю. Коринца, героя — Кроша из повести А. Рыбакова «Неизвестный солдат» воспоминания раннего детства играют большую роль в его повседневном бытии. Мальчишеский скептицизм, правда, не позволяет ему в этом сознаться даже самому себе, но то «далекое, отрывистое, смутное, что мы называем воспоминаниями детства и что, возможно, есть только наше представление о нем», дает ему ощущение подлинности народной жизни, народной мудрости. Идет это от деда — объездчика на конном заводе в маленьком провинциальном городке, куда Крош приезжает каждое лето на каникулы, от воспоминаний о дядях-кавалеристах, погибших на войне.

Крош не попал в университет, решил целое лето работать на строительстве дороги и готовиться к экзаменам — для того и приехал в Корюков. Весь связанный условностями, он постепенно освобождается от них, как от ненужного для «настоящей» жизни. Ему становятся понятны и интересны люди, показавшиеся сперва скучными, воспринимаемые им с иронией, когда дед знакомит его с ними: «...тот — генерал в отставке, чуть ли не принимал капитуляцию Германии. Другой — бывший директор завода, конечно, самого большого в СССР. Эта старая большевичка чуть ли не с самим Лениным работала. Но эти выдающиеся знаменитости обсуждали что-то мелкое, житейское, незначительное...»

Но наиболее серьезное испытание на нравственную зрелость Крош выдерживает, когда его, обыкновенного «длинноволосого» паренька властно захватывает стремление узнать, кто покоится в могиле, чуть было не скрытой бульдозером на трассе дороги, разыскать родных погибшего. Может быть впервые в жизни в душе Кроша родилось чувство общности с теми, кто сражался здесь в годы Великой Отечественной войны, обогрил

эту землю своей кровью, сочувствие к осиротевшим детям, к матерям, потерявшим сыновей. Крош неотступно размышляет об этом. «Такой же темной ночью здесь прятались наши солдаты. А потом вышли на улицу, к этой школе, там размещался немецкий штаб, гранатами разгромили его. Их убили, закопали в землю, и никто не знает их фамилий, никто не знал бы даже об их могиле, если бы бульдозер Андрея случайно не наткнулся на нее. У меня в кармане фотография. На ней хорошенький беленький солдатик Ваня; тяжело раненый, он ушел из дома Михеева, и его, может быть, застрелили немцы. И бравый старшина, полный сил и жизни, крадучись шел такой вот ночью, чтобы узнать о своем раненом товарище, и не нашел его, а потом шел по этой улице и разгромил немецкий штаб. Все это совершилось здесь. Драма войны, не оставившая следов, кроме могилы неизвестного солдата. А может быть, и других таких никому не ведомых могил».

Крош принимает нравственную эстафету ответственности за все, что происходит рядом. Теперь, прикоснувшись к ратному труду — подвигу отцов, он не может оставаться равнодушным к тому, мимо чего совсем недавно прошел бы мимо. Осмысление событий войны приносит ему не только целую гамму новых для него чувств и мыслей, в нем происходит сложный процесс приобщения к основным нравственным ценностям народа.

Мы так и не узнаем, сдал ли, наконец, Крош экзамены, поступил ли в университет. Не это важно. Важно, что юноша выдержал свой главный экзамен — стал «большим человеком», так как что же еще делает человека «большим», как не сопричастность к народной памяти, к тому настоящему, что хранится в этой памяти, чувство глубокой нравственной связи с предшествующим поколением.

Нравственная связь с поколениями, жившими до нас, неизбежно приводит к осознанию себя как продолжателя главного дела человека — строить, украшать землю. Недаром герой Рыбакова, задумываясь об истоках мужества и нравственной силы пятерых солдат с пожелтевшей военной фотографии, начинает пристальнее вглядываться в людей, окружающих его, занятых повседневным, обычным трудом. Крош понимает, что осознание себя частицей великого целого, чувство коллек-

тивности, ощущение рядом плеча друга, единомышленника — это и есть то, что было почвой для подвигов во имя Родины, в какую бы эпоху они ни происходили. В финале повести мимо солдатской могилы, подавая длинные сигналы, салютуя ей, движется колонна самосвалов, за рулем одного из них — Крош. «Подавая гудки... колонна проследовала мимо солдатской могилы, мимо солдатской матери и солдатской внучки».

Главное дело

Так в духовный мир человека сегодняшнего социалистического общества неотъемлемой частью входит нравственный опыт великой народной войны. Основа этой нравственности — любовь к родной земле. Поэтому так радостен труд на ней юных героев молодого писателя П. Чалого (повесть «Косари»). Они росли еще под солдатскими одеялами, под которыми, замечает писатель, «сняты военные сны», вокруг их детства «прорастала война горькими, колючими воспоминаниями», гибли сверстники, подорвавшись на зловещих «игрушках», оставленных войной, а в речи их приживались слова и обороты, ею рожденные («в фронт» — как «в осень» или «в дождь»).

Один из героев этой повести — Алеша ощущает труд хлебороба как свой высокий нравственный долг, как свое дело на земле, которому он не в праве изменить ни перед собой, ни перед народом. Всем существом своим привязан Алеша к тому, что составляет для него понятие «родной край». Будничные дела колхозного села поэтизируются в его сознании. Поле пшеницы кажется Алеше «похожим на цимбалы, что есть у соседского деду Пилипа». Такая же золотистая основа, так же натянуты струны — валки, тронь пальцем — зазвенит переливчато музыка». В большом городе, куда ездил он к брату, еле прожил Алеша месяц: «Временами такая тоска по селу, по родным хватала, что на белый свет глядеть не хотелось». Алеша сам строит свою судьбу — кончил десятилетку, мог бы и в институт, но он идет работать на комбайн.

И его труд отныне вливается в общий созидающий труд. В этом горниле выковывается окончательно лич-

ность Алеши — с чертами, переданными ему от предков-землепашцев, от отца — воина великой войны, и с новыми качествами человека земли, жителя деревни, куда мощным потоком вливается сегодня индустриализация, что не может, естественно, оставить психологию людей деревни без изменений. Нужно сказать, П. Чалый в своей повести близко подходит к художественному осмыслению качественных изменений, происходящих в деревенской действительности и в духовном мире людей. В его героях крестьянская любовь к земле соединяется со столь же сильной любовью к технике.

Что несет человеку новая техника, как изменяется его духовный мир, его нравственность под влиянием научно-технической революции? Мы знаем, что без ускоренного развития науки и техники коммунизм в нашей стране не может быть построен, но что происходит при этом мощном процессе с человеком, с его психологией, с его моралью и этикой? Исследование возникающих здесь нравственных коллизий — сегодня одна из главнейших задач всей нашей литературы. Для детской литературы чрезвычайно важно в этой связи создание произведений, воспитывающих у юного человека, вступающего в жизнь, чувство принадлежности к рабочему классу. Тема рабочего класса для всей советской литературы имеет особое значение. И это понятно. В его среде формируются те нравственные качества, которые затем оказывают влияние на все наше общество. Нравственной нормой, например, стало для нас отношение к труду, выработанное рабочим классом на протяжении всего его развития.

В романе Н. Дубова «Горе одному» рассказано о Лешке Горбачеве, который учится быть настоящим рабочим человеком. Лешка много размышляет о рабочем, классовом сознании и общечеловеческой нравственности, об ответственности каждого перед своей страной и перед всеми людьми. В этих раздумьях формируется Лешкино сознание как представителя новой формации нашего рабочего класса, для которого нравственное содержание и значение своего труда играет в жизни первостепенную роль, и для которого характерно отношение к труду, как к своему нравственному долгу. Это отношение проявляется у героя Н. Дубова по-юношески свежо и непосредственно — тем убедительнее оно воздействует на читателя.

Утверждение такого отношения к труду как мировоззренческой моральной категории — свойство лучших произведений детской прозы на эту тему — идет от мыслей Горького о труде как нравственной основе формирования личности человека социалистического общества. О том, что «отношение к труду является важнейшим элементом духовной жизни человека», говорил и выдающийся педагог В. А. Сухомлинский.

М. Коршунов в романе «Подростки» исследует, что происходит с духовным миром юного человека, вступающего в сферу производства материальных ценностей. Как преодолевает он психологический барьер при переходе из школьного коллектива в свой первый в жизни рабочий коллектив. Юность нетерпелива в желании утвердить себя, поэтому и первые ее шаги в мире взрослых не могут происходить без нравственных конфликтов.

В романе прослеживается возникновение авторитета личности в особой среде производственно-технического училища, где ученики — уже не школьники, а завтрашние рабочие, наставники же, как правило, — лучшие представители рабочего класса. «Хотелось знать и быть уверенным, — размышляет Тося Вандышев, — что есть человек, который равен твоему представлению о мужестве, о справедливости, о честности, который... не даст тебе потеряться в жизни, смалодушничать, ослабнуть, потому что в тебе где-то глубоко и стыдливо скрывается робкий еще мальчик. Ты его стесняешься, прячешь его за внешним спокойствием и силой. Ты сильный, но ведь в группе все сильные. Тут собрались мужчины, которые хотя и живут с родителями, но по существу — самостоятельны».

В трудовом коллективе происходит своеобразная «нравственная шлифовка» героев романа М. Коршунова. Этой же теме посвящена и повесть М. Дымова «Открытая страна (записки десятиклассника)». В ней ученики десятого класса, проходящие практику на заводе, под влиянием рабочего коллектива вынуждены пересматривать, «перетряхивать» свой нравственный багаж и даже многое менять в нем. Но и для рабочих завода, шефствующих над школой, контакт со школьниками не проходит бесследно. В повести интересно сопоставление «пижонистых» ребят-школьников с их неустоявшимся еще внутренним миром, с представлениями, идущими чаще от литературы, чем от жизни, и уверенных в своем

предназначении на земле представителей рабочего класса.

Самоуверенность, ощущение интеллектуального превосходства служат ребятам плохую службу. Герой повести, от лица которого ведется рассказ, с легкостью прогуливает, потому что считает он, это же «просто практика». «Для чего? — строго спрашивает парторг цеха. — Баклуши бить? Прогуливать? Нет уж, голубчик, если пришел к нам, так будь любезен работать. Рано тебе еще разбазаривать имя рабочего!

— Да я совсем не намерен им быть! — вспыхнул я. — Подумаешь, счастье великое! Завод, рабочий — плевать я хотел на это».

В повести М. Дымова конфликтная ситуация возникает на почве крушения нравственного авторитета. Мастер, которому должны подчиняться «практиканты», пьет, бьет жену — их школьную учительницу. Нравственный максимализм, свойственный подросткам, ведет их к действиям, которые не могут или не хотят позволить себе взрослые члены бригады. Ребята пришли к выводу, что такой мастер не может стоять во главе бригады, и твердо решили его «снять». И добиваются своего. Соприкосновение со «взрослым», «настоящим делом как бы освобождает пружину, сдерживающую нравственную активность ребят.

«Прогресс должен двигаться одновременно, параллельно: в людях и в технике» — эту мысль высказывает в повести десятиклассник, прозванный Академиком за обстоятельность и глубину подхода ко всему, с чем ему приходится сталкиваться. Здесь есть верно уловленная писателем тенденция времени, зафиксированная в словах Л. И. Брежнева на майском Пленуме ЦК КПСС о том, что наш рабочий класс должны составлять образованные, технически грамотные, политически зрелые люди.

Герой повести М. Дымова и его друг Академик становятся свидетелями спора молодых рабочих о современном производстве — дает оно или не дает сегодня пищу для интеллектуального ума: «Нет, нет, братцы, я не в том смысле, что на заводе делать нечего умному человеку, — говорит один из спорящих. — Нет. Но сегодня заводу нужны электроника, кибернетика, вычислительная техника. Без этого предприятие движется не вперед, а назад... Без передовой техники люди не пойдут на та-

кой завод работать. И дело тут не только в зарплате, но и в самоутверждении. Управляя сложной аппаратурой, современной техникой, рабочий ощущает дух времени, вырастает духовно!»

«А мне кажется,— говорит другой,— есть радость и от того, что ты внедряешь всю эту... электронику в производство. Ищешь, думаешь, копаешься — и вот твоя штукавина работает! Представляешь: твоя идея, мысль воплощены в дело, в действительность!»

На VI съезде писателей СССР С. Михалков говорил о том, что человек труда — рабочий, колхозник, интеллигент — с самого начала был и остается главным героем нашей детской и юношеской литературы. Мы не можем «упрекнуть эту литературу в том, что она недостаточно возвеличивала и человека, непосредственно связанного с производством материальных ценностей, не воспевала в полную меру своих сил людей трудового подвига, мало заботилась о престиже заводских или сельских профессий. Вспомним молодых рабочих из «Горе одному» Николая Дубова, из повестей Михаила Коршунова, юных сельских тружеников из книг Алексея Мусатова, Любви Воронковой, всегда готовых к трудовому дерзанию юных героев Виктора Баныкина, покорителей ледовых просторов из книг Владимира Николаева. Вспомним многие произведения, удостоенные премий на Всероссийском конкурсе на лучшую книгу для детей, проведенном... под девизом «Союз Серпа и Молота».

Но сегодня образ человека труда все больше наполняется в нашей детской литературе социально-нравственным содержанием. Один из аспектов его — обращение к эстетической стороне человеческой деятельности, к радости, которую испытывает человек от совершенства сделанного им, от сознания, что его труд — частица общего труда людей, украшающих землю.

В произведениях, рассказывающих о жизни и труде ученых, художников, писателей, этот аспект имеет особое значение. Как иначе можно постичь их сложный духовный мир, если не показать читателю нравственный гуманистический импульс творческого поиска, если не раскрыть радостного, праздничного содержания фактов и событий, которые со стороны могут показаться унылыми и однообразными. Ведь любой творческий труд —

это прежде всего труд упорный, кропотливый, каждодневный.

Л. Разгон в книге «Один год и вся жизнь» в первую очередь обращается именно к духовной стороне деятельности выдающегося русского физика Лебедева. Перед читателем открывается мир ученого-естествоиспытателя, ясно осознающего общую цель своего труда на благо людям, упорно идущего «сквозь тернии к звездам», испытывающего глубочайшее удовлетворение и радость от сознания верности этого пути. Образ ученого, представленного писателем человеком глубоко увлеченным, захваченным своей работой, способным опозитивизировать любую, даже самую прозаическую ее часть, яркие жизненные и научные факты — все это не лишает книгу Л. Разгона конфликтности, драматизма. Верный нравственный выбор так же, как и научное решение, показывает писатель, могут быть найдены только на основе материалистического мировоззрения и гуманистических принципов.

О творческом подвиге родоначальника научной фантастики Жюль Верна рассказывает в повести «Впередсмотрящий» Е. Брандис. В его книге этот писатель предстает прежде всего как величайший труженик, для которого «подвижнический труд стал главной «жизненной функцией», источником «единственного и подлинного счастья». И недаром вместе с новым, до него не существовавшим в литературе научно-фантастическим романом, с Жюлем Верном в нее вошел и новый герой — рыцарь науки, бескорыстный ученый, готовый во имя своей творческой мечты, ради осуществления больших надежд совершить любой подвиг, пойти на любую жертву. «Одна, но пламенная страсть», владевшая Ж. Верном до конца дней, претворилась в множество романов, приносивших людям веру в силу их разума и духа, в светлые перспективы человеческой цивилизации и ее родины — прекрасной планеты Земля.

Извлекая нравственный, гуманистический смысл из фактов жизни выдающихся людей, детская и юношеская литература стремится привить своим читателям высокие нравственные принципы и чувство ответственности не только по отношению к делу, работе, к людям, их заботам, но и по отношению ко всему прекрасному миру, нас окружающему.

Как сохранить «дом человечества» — нашу планету,

ее природные ресурсы — этот вопрос сегодня перестал быть вопросом только научно-техническим. Он стал важнейшей социальной и нравственной проблемой. И детская литература многое может сделать для изменения общественного отношения к природе, воспитания чувства благодарности к ней и ответственности за нее, осознания наших глубоких связей с природой. Настоятельную необходимость всего этого подтверждают и статьи новой Конституции СССР, где говорится о необходимости мер для охраны и научно обоснованного, рационального использования земли и ее недр, растительного и животного мира, об обязанности наших людей беречь природу, охранять ее богатства.

Публицистика и книги научно-популярные и научно-художественные играют немаловажную роль в воспитании правильного отношения наших детей к окружающей среде. Ведь, как выразился еще Плутарх, «и рассказ о факте дает решимость действовать». Трудно переоценить значение благородного влияния на детей и подрастков книг Ю. Вебера, В. Сахарнова, Ю. Дмитриева, Н. Сладкова, Б. Рябикина...

Однако чтобы бережное отношение к природе стало частью не только мировоззрения, но и нравственного мира наших детей, нужно, чтобы были затронуты их чувства — здесь должна сказать свое решающее слово художественная литература.

Цикл рассказов В. Баныкина «Перо жар-птицы» продолжает традицию русской литературы соотносить жизнь человека в природе с нравственными проблемами. Чувство солидарности со всем живым, особое чувство защитника, разумного хозяина богатств, предоставляемых природой человеку, — все равно, состоят ли они в богатейших залежах ископаемых, тысячах километров лесных угодий или вдруг пронзившей твое сердце красоты сверкнувшего в лучах солнца перышка «жар-птицы», — вот что вынесет юный читатель из этих рассказов.

Один из них так и называется «Хозяин». В нем Сережа — сын лесника во время весеннего разлива спасает барсука и зайцев, вымокших, похожих на комки шерсти. И то, что глаза паренька светятся «безмерной добротой» даже тогда, когда один из зайцев до крови оцарапал ему руку, для писателя вмещает в себя всю ту светлую гамму чувств, которую должно вызывать

в ребенке живое слабое существо, нуждающееся в защите доброго хозяина.

Рассказы В. Баныкина исполнены восхищения перед вечной жизнью природы, перед ее красотой и исцеляющей, «выпрямляющей» душу силой. И это свое восхищение писатель хочет передать детям. Вот как оканчивается рассказ «Настроение»: «За редким орешником вдруг прорезалась, трепетно пламенея, узенькая полоска заката. Косой, недолговечный луч выхватывал то чугунолитой ствол коренастой ели, и он на миг-другой отливал старинной бронзой, то легким румянцем окрашивал тонюсенькую, вздрогнувшую от радости березку, то пробегал по траве — эдакой еще сочно-зеленой, осыпанной крупными жемчужинами. И на душе стало так хорошо, так покойно: есть еще на земле лес, есть еще тишина, есть еще птицы, есть еще радующие взгляд золотые закаты!» Призыв к защите этой красоты, к сохранению всего, что дает человеку природа, выражен здесь почти с пришвинской силой.

Продолжает линию осмысления взаимоотношений человека и природы и Ю. Коринец в повести «Володины братья». Человек — неотъемлемая часть природы и должен это помнить и понимать, тогда он будет силен и вечен, как она, ведь в ней «и смерти-то нет, а есть одна деятельная жизнь». Притчевый характер некоторых частей книги позволяет писателю вводить своего героя — мальчика Володю в прямой духовный контакт с естественными силами. Конечно, большие красные муравьи — Володины братья — «учат» его тому, что он слышал от взрослых, например, тому, что «о плохих людях и нельзя хорошо думать», что нехорошо «самовольничать» и т. д. Но эти простые нравственные правила преподносятся Володе и читателям книги от лица великой природы, которая «никогда не унывает», «не боится смерти», всегда приходит на помощь, и поэтому приобретают весомую убедительность.

Но не этот простой урок составляет ценность повести. Главное в ней — утверждение мудрости, идущей от природы. Мудрость и гармония питают ум и сердце ребенка, прожившего с нею один на один, без посредников, несколько дней, наполненных радостью узнавания, постижения ее жизни и обретения чувства единения с нею. Это повесть о том, как маленький человек вышел победителем из благородного единоборства с природой

потому, что вели его, заблудившегося, через тайгу не только естественная жажда и любовь к жизни, рассеянная в природе, но и разум и нравственный закон, носителем которых она его сделала.

«Душа обязана трудиться...»

Высокое, исцеляющее чувство единения с вечной природой, ожидание «начала чего-то» — начала нового этапа твоей судьбы, готовность и стремление изменить, улучшить все вокруг себя и в себе, то есть активное, а не созерцательное, отношение к жизни — все это характерно для героя юношеской прозы сегодня.

Приобщение ребенка, подростка к общим проблемам бытия, одной из которых является взаимоотношение человека и природы, было у Ч. Айтматова еще в «Белом пароходе», где писатель для этой цели прибегал к использованию фольклорных образов, Матери Оленихи, например. Муравьи в повести Коринца возникают как явление того же мифотворческого порядка. Об усилении нравственно-философской направленности современной прозы, обращенной к детству, можно говорить и в применении к повести Ч. Айтматова «Ранние журавли», где продолжается углубление проблемы нравственных возможностей человека, поиски вечных ценностей.

Образ летящих журавлей возникает в повести каждый раз, когда писателю нужно выразить то душевное состояние своего героя, которое сопутствует какому-либо решению. Возникает оно как символ нравственной чистоты, способности человека подняться над частным, личным, чтобы в общем, народном найти решение вечных вопросов, слить свое горе и свою радость с горем и радостью всех людей.

Два характера в центре повести. Аджимурат — поэтически настроенный, способный на «необыкновенные» чувства, верящий в чудо и живущий этой верой. Его поражающая окружающих привязанность к отцу, ушедшему на фронт, выливается в страстное заклинание-молитву: «Дай бог, дай бог, чтобы отец завтра приехал. И так каждый день. Чудной. Думает, уснет, проснется — и все изменится, произойдет какое чудо?» И Султанмурат, старший брат Аджимурата, более «реальный», с более трезвым взглядом на жизнь.

В повести оба взгляда на мир, воплощенные в этих разных характерах, сливаются, создавая особую стереоскопичность писательского видения своих героев. Айтматов утверждает самоценность того и другого подхода к действительности и необходимость их взаимозависимости. Любовь Султанмурата; «земная», «реальная» любовь к Мырзагуль, естественно проявляется в поэтическом взлете чувств: «...и на бегу подумал, что если журавли обронят перо, он найдет его и сохранит, подарит ей, Мырзагуль, журавлиное перо и расскажет ей все как было. Только бы догнать, только бы увидеть журавлей. Он бежал, неся в душе нахлынувшую нежность к Мырзагуль. Если бы мог, побежал бы он сейчас с журавлиным пером прямо к ней... Прямо к ней с журавлиным пером...»

О любви пишет почти каждый писатель, причастный к теме юности, цельный художественный образ которой невозможно создать без обращения к важнейшему для этой поры человеческой жизни чувству. В его свете увиден сложный мир современности в романе В. Медведа «Свадебный марш».

Алька любит Юлю, а она его разлюбила. Эта старая, как мир, история в романе наполнена переживаниями и нравственными коллизиями, характерными для дня сегодняшнего. Романтически чистый свет Алькиной любви ярко высвечивает для него то, что он, может быть, и не заметил бы раньше. Взаимоотношения отца и матери, обвиняющей отца в бесхарактерности, жизненной нестойкости—Алька видит, что мягкость отца—от богатства чувств, от умудренности опытом. Погибший талант художника Ста-Гронского, не сумевшего противостоять соблазнам легкой жизни, отделить важное от второстепенного. Бездуховность существования таких, как Умпа и его дружки.

Обостренность восприятия выявляет в Альке его природный артистизм, заложенное в нем творческое начало. Отношение его к другим людям—или стена отчуждения или внезапно вспыхнувшее взаимопонимание, как, например, в эпизоде с Мужчиной Как Все. «Оптимистический пессимизм» Альки (как он сам определяет свои ощущения)—это воспетая поэтом «светлая печаль», которая посещает человека в минуты, исполненные вдохновения, любви, умиротворения перед видением прекрасного мира, на которые раскрывает глаза

его чувство. Писатель сталкивает своего героя с разными нравственными «моделями» взаимоотношений людей, связанных любовью. И Алька размышляет обо всем этом, сопоставляя со своими чувствами и представлениями о чести, благородстве, мужестве. Происходит усложнение внутреннего Алькиного мира, расширение сферы его эмоций. Все внутренние свои обретения, «журавлиное перо» своей любви несет он Юле. В романе нет счастливого завершения истории Алькиной любви — он так и не смог (хотел, но не смог, а не смог потому, что духовно изменился, вырос на протяжении «истории») простить Юле того, что считал предательством. Как писал Ю. Завадский в предисловии к роману, Алька «уходит от нас мужчиной, уходит в грозу, в дождь, «все освежающий, все обновляющий»; уходит с ощущением новой своей силы и прочности».

А «свадебный марш» все же звучит в финале романа: «Все вокруг замолчало, словно перед началом чего-то... уже не постукивал барабан грома, не посвистывал ветер в гамлетовскую трубочку, не ударял в литавру крыши гром, все насторожилось, как будто вышел невидимый дирижер, и все замерло. И вдруг, и вдруг грянул дождь, грянул весь сразу, грянул как марш, как свадебный марш природы, как марш вечного обновления жизни и вечного ее продолжения. Я шел под этим дождем, шел и шел...»

Нодар Думбадзе на страницах «Литературной газеты» сравнил работу писателя с рытьем артезианских колодцев: «Чтобы дойти до живительной воды, надо смело идти в глубь пласта. Надо провести через сердце любовь к девушке и к другу, к родной земле и к дереву, шелестящему под окном, надо разжечь в душе ненависть ко всему отжившему, враждебному. Надо провести границу между добром и злом, правдой и ложью. Лучшие книги, которые обращены сегодня к юношам, обдумывающим житье, поднимают чистую воду правды из самых глубоких пластов жизни».

В романе «Не бойся, мама» Нодар Думбадзе создает образ юноши, в котором, как он сам признается, «соединились все нравственные ценности, присущие молодому человеку 70-х годов». Это служивший в пограничных войсках Петр Щербина. Он погиб в погоне за нарушителем границы, и гибель его в мирные дни воспринимается как трагедия и чудовищная несправедливость. Он

навсегда остается в памяти всех, кто служил с ним, в памяти его друга Автандила Джакелия — красивый двадцатилетний парень из Харькова, плакавший, когда пограничникам пришлось пристрелить в лесу медведицу, у которой были двое медвежат.

Роман Н. Думбадзе посвящен «силе, красоте, мечте, смелости и целеустремленности» молодости. И доброте молодости. Доброте, унаследованной от предков, любивших «каждую травинку, каждый листок, каждую песчинку» своей земли и завещавшей хранить и защищать ее.

Отец и мать Автандила погибли в автомобильной катастрофе и, может быть, раннее сиротство делает сердце Автандила особенно ранимым и чутким к чужой беде. Как свою боль, переживает он рассказы дяди Ванечки о том, как его, назвавшегося коммунистом, расстреливали фашисты, о пережитом в плену; ему западает в душу мальчик, перенесший в раннем детстве тяжелую болезнь мозга, и осиротевшего медвежонка Автандил называет именем этого мальчика — Мерабом. У Автандила обостренное чутье к фальши, притворству, приспособленчеству, он твердо знает, что «устроить себе хорошую жизнь нетрудно... Человеком быть труднее». Мысленно разговаривая с матерью, он говорит ей: «Хочу быть сильным, как дед мой Исидор», «чистым и прямым, как мой отец», «честным, как дядя Ванечка... благодарным и любящим, как Мерабчик... Умным, как Али Хорава... Преданным долгу, самоотверженным, как Щербина... Смелым и благородным, как Чхартишвили... Добрым и милосердным, как ты, мама...»

Задумав написать свой роман о пограничниках, Нодар Думбадзе пошел служить на заставу. Но познакомившись со своими будущими героями поближе, он пришел к выводу, что «легче отрыть десять артезианских колодцев, чем докопаться до души этих славных ребят». Потому что ему пришлось идти от пограничника к советскому юноше наших дней вообще и еще дальше — к размышлениям об истоках высоких нравственных качеств народа. Столь глубокое исследование привело к художественно убедительному решению характеров героев. Поэтому так естественно для нас то, что любовь к жизни, к матери нерасторжимо слита в душе Автандила с любовью и признательностью к матери-Родине,

со стремлением защитить, укрыть ее, как обязан защищать каждый выросший сын свою мать. Ибо основа народной нравственности — деятельная любовь к своей земле.

«...На защиту государственной границы Союза Советских Социалистических Республик!..—слышит Автандил приказ командира—майора Чхартишвили.— Вот оно, то необъяснимое, хватающее за сердце, наполняющее все твое существо чувством гордости, делающее тебя смелым, храбрым, бесстрашным, будоражащее кровь, найти название которому трудно. Что это? Любовь к Родине? Чувство ответственности? Верность присяге? Не знаю... Но есть в этих словах нечто такое, ради чего я, Автандил Джакелия, готов умереть. Умереть без стога, без слов, умереть счастливым...»

Нравственная активность присуща и героям А. Алексина, творчество которого, начиная с первых его книг, посвящено проблеме отражения духовного опыта, накопленного человечеством, в душе современного ребенка, подростка. Пытливо рассматривает герой его повести «Позавчера и послезавтра» Миша Кутусов жизнь взрослых.

«Я хочу, чтобы ты не повторял в жизни моих ошибок! — часто говорит мама.

Но чтобы не повторять ее ошибок, я должен знать, в чем именно они заключаются».

Вот один из нравственных вопросов, перед которыми ставит своего героя А. Алексин: имеем ли мы право пользоваться добытым с таким трудом опытом других или нужно приобретать, не боясь «шибек», свой собственный? «Мама очень хочет, чтобы я учитывал ее опыт, ее ошибки. Но я все больше убеждаюсь в том, что на ее шишках мне трудно будет чему-нибудь научиться». «И вообще... не очень-то получится благородно, если один будет набивать себе синяки, а другой на этих синяках... на чужом, значит, горе будет учиться?»

Миша старательно приобретает свой собственный опыт. Он замечает, что Лукьянов, начальник стройки, на которой работает его отец, «здоровается только с тем, кто ему на этот раз нужен» (а с ним, так как он «не был нужен Лукьянову никогда... вообще не здоровался»), что обожаемый им дирижер детского хора Виктор Макарович побаивается почему-то аккомпаниаторши Маргариты Васильевны,—и размышляет о при-

чинах этого. Ведь Виктор Макарович — замечательный человек, не может сфальшивить даже в малом, например, унижить девочку нарочитым проигрышем в шахматной партии, с уважением говорит о хористах: «...Каждый должен себя ощущать солистом. В том смысле, что нельзя прятаться за спины впереди стоящих. И за их голоса. В смысле чувства ответственности... каждый из вас солист!»

Но «чувство солиста», чувство собственного достоинства должно непременно сочетаться в человеке с уважением к достоинству других. Миша и другие ребята «средней группы» хора, унижая, по существу, Маргариту Васильевну перед зрителями, показали, что они еще в самом начале пути нравственного совершенствования. На этом пути такой урок, какой получили Миша и его товарищи, наглядно убедившись, что «есть средства, которые могут убить благородную цель...», заставил их задуматься и еще о многом другом. О том, например, что «прошное» и «забытое» — разные вещи: тот, кто не помнит вчерашнего, может забыть и сегодняшнее. Что «если из книги... выбрасывать прочитанные страницы и главы, вся книга рассыплется». «А на самом деле позавчера и послезавтра в жизни неотделимы!» И что нужно помнить все добро, которое ты получил от людей, и отвечать им тем же.

Еще один нравственный вопрос, над разрешением которого заставил задуматься Мишу писатель: если добро одному человеку сделано за счет других, будет ли это «настоящее» добро? Попытка спасти Виктора Макаровича от «отставки» была сопряжена с целым рядом действий по отношению к «другим», например, к Маргарите Васильевне. Действия эти никак нельзя было определить как добрые, они были в первую очередь безответственными. «Я вообще не был уверен, ошибкой ли был мой план. Просто я не мог допустить, чтобы Виктор Макарович... и шепотом все объяснил ему. — Значит, это ты сделал? — медленно произнес он. — Мой добрый мальчик?»

Итак добро должно быть не только активно, но еще и «ответственно». Только тогда оно достигает цели. Лукьянов, совершающий добрый поступок «для дела», предвидит и все его последствия. (Правда, в повести — не все предвидел, оказалось, что нужна еще и «душа», «и душа есть, — как сказала Мишина мама. — Только ей

некогда себя проявлять».) Выходит, думает Миша, мама не зря уважает Лукьянова. Да и весь «мамин опыт» чего-то стоит: ведь план помощи Виктору Макаровичу пришел в действие только тогда, когда активизировалось то мамино нравственное правило, которое сформулировал Мишин папа: «Если надо помочь, для нее не существует непреодолимых джунглей и лабиринтов!»

Трудно исчерпать глубину нравственной проблематики повести «Позавчера и послезавтра». Нужно только заметить, что она активно побуждает читателя не просто к добрым поступкам, но и к добру осознанному, пропущенному не только через сердце, но и через разум.

В повести «Третий в пятом ряду» А. Алексин вновь обращается к проблеме сознательного добра, сознательной любви к людям. И еще — внимания к человеческой личности. В этой повести нравственный урок получают не дети от взрослых, — учительница пересматривает весь свой педагогический и нравственный опыт перед лицом того главного, что заключено в отрочестве, когда все лучшие свойства характера дают в эту прекрасную пору яркую вспышку, а потом остаются на всю жизнь, как угли под золой, и становятся тем, что мы называем человеческим теплом. Или не становятся... если вовремя не будет поддержан огонь души заботливыми руками воспитателей.

«У Вани был свой характер. Не подчинявшийся... А я в те годы, не отдавая себе отчета, стремилась привести все сорок три характера своих учеников к общему знаменателю. И этим знаменателем была я сама», — горько и запоздало размышляет Вера Матвеевна. Для того, чтобы понять своего ученика, Вере Матвеевне пришлось пережить страх за жизнь самого дорогого для нее существа — шестилетней внучки Лизы. Срочную операцию Лизе делает доктор Белов — Ваня. Вера Матвеевна уверена, что там, за белой дверью операционной, ее ученик, ставший хирургом, спасает попавшую в беду девочку.

Ваня всегда был самым беспокойным из ее учеников — гроза школы, он совершал отчаянные и дерзкие поступки, приводя в отчаяние педагогов. Вера Матвеевна даже ушла из школы, чтобы спастись от Ваниной отчаянности и отваги. «От тех его качеств, на которые теперь была вся надежда».

Ваня Белов отнюдь не предстает в повести неким во-

площением светлых черт детства вообще. Писатель подчеркивает его исключительность — «следовать ему никто бы не смог: для этого нужен был его, Ванин характер». И его моральное право на эту исключительность. «Он думал о других гораздо больше, чем другие о нем», но для него это было и не важно: «он никому ни за что не платил и ничего не желал взамен», «никогда не совершал безумств ради себя». Может быть, поэтому в характер Вани Белова, в рассказы о нем «влюбляется» маленькая Лиза, и начинает на свой лад подражать ему, инстинктивно почувствовав Ванину душевную щедрость и нравственную чистоту его побуждений.

Очевидно, для большей контрастности образа Вани Белова писатель вводит в свою повесть как бы его нравственного антипода — Сеню Голубкина, которого «убивали чужие успехи», и «ему казалось, что «любые» удачи приходят к людям за его, Сенькина, счет». Но ни Сенькина подлость, ни его неблагодарность не могли поколебать Ванину веру в людей. «Мало ли что бывает! — сказал он. — Из-за этого всем не верить?»

Повесть Алексина заставляет задуматься и о том, всегда ли мы находим в себе мужество, чтобы сознаться в совершенных ошибках. Хотя бы себе. Но это и есть, утверждает писатель, наш самый строгий судья. «Неужели непременно должна была случиться трагедия, чтобы мы поняли, кто может нас от нее спасти? На виду у большой беды мне хотелось исповедаться перед собой и найти искупление. Я помнила слова мудрейшего Монтеня, сказавшего о своих глазах: «Нет на свете другой пары глаз, которая следила бы за мной так же пристально». Мои глаза тоже были в тот день очень пристальны... и недовольны мною».

Вера Матвеевна в этот день судила не только себя — учительницу. Она судила в себе жену и мать. «Мне хотелось, чтобы мой муж смотрел на мир моими глазами и жил моими призваниями. С теми, кто любит, так поступать опасно: они могут подчиниться — и навсегда потерять себя.

Иногда я так поступала и с сыном: выбирала ему друзей, разлучила с Ваней Беловым... Он любил меня — и тоже мне подчинился. А потом, должно быть намаявшись со мной, женился на Клавье, которая всегда к нему «присоединялась».

Грустный итог Веры Матвеевны, столь безнадежно

поздно понявшей, «что на благородных фанатиках держится мир», ведет мысль взрослого читателя к осознанию жизненной необходимости тех нравственных корректив, которые юный человек вносит в ту эстафету добра и человечности, которую каждое поколение передает следующему за ним. Молодого читателя повесть А. Алексина зовет быть нравственно активным. Не только по отношению к окружающим, но и по отношению к самому себе. Как Ваня Белов, который, совершая благородные поступки, жертвуя своими успехами, подавляя в себе эгоистическое начало, страх перед более сильным — взрослым, растил в себе Человека.

Нравственным взаимоотношениям между поколениями посвящает свой роман для детей младшего возраста А. Лиханов. Как и в предыдущих его произведениях, вошедших в книгу «Семейные обстоятельства», в романе «Мой генерал» — главный нравственный конфликт также находится в сфере отношений в семье.

Антон Рыбаков с нетерпением ждет приезда деда-генерала. Как для всякого мальчишки ему кажется огромным счастьем пройтись по улицам сибирского поселка рядом с дедом в блестящей генеральской форме и в орденах. Но вот дед приезжает и оказывается маленьким сухоньким старичком в коричневом драповом пальто. Да еще вскоре начинает работать кладовщиком. Много приходится пережить Антону, прежде чем он поймет, в чем состоит истинная красота человека и величие его души. Может быть, первое в жизни нравственное потрясение испытал Антон, осознав всю глубину своего нравственного падения (в масштабе своего возраста, разумеется), испытав жгучий стыд от своих поступков, связанных с появлением деда. «...Значит, я стыжусь дедушку, — с ужасом думает мальчик. — Стыжусь того, что он кладовщик, стыжусь его вида — в телогрейке, треухе, в валенках, а не в генеральской шинели с золотым шитьем. Я потерял совесть, проща говоря. Мне, оказывается, важен не дедушка, не человек, не его жизнь и характер, а его оболочка, вот... А начал с того, что воспользовался его славой. Захотел быть командиром как он. Подумал, что генеральское сияние и надо мной светится».

А. Лиханов не боится поставить своего читателя «младшего возраста» перед острыми нравственными вопросами. На взаимоотношениях Антона с дедом, с ро-

дителями, с классом он показывает решающее значение в жизни таких понятий, как правда и ложь, честь, совесть, подлинные и мнимые дружба и любовь к людям, ложный и истинный авторитет.

На примере собственной жизни дед учит Антона умению найти свое место в жизни, чтобы быть полезным людям до конца своих дней, и скромности. Когда дед, наконец, надевает свою генеральскую шинель, он делает это ради того, чтобы подчеркнуть стоящий за ним высокий авторитет армии, которая должна прийти на помощь жителям поселка во время стихийного бедствия.

Духовная близость деда и внука возрастает по мере того, как дед рассказывает Антону о себе, о бабушке, с которой познакомился во время антифашистской войны в Испании, везет его к своему другу генералу Иванову, потерявшему на Днепре обе руки, но воевавшему до Победы. В конце романа дед раскрывает «свою военную тайну»: оказывается, он не настоящий дед Антона, его отца Сергея он подобрал на дорогах войны и усыновил. Но это еще больше привязывает Антона к деду.

В романе «Мой генерал» выразилось доверие писателя к возможностям души маленького человека, вера в его способность не только различать подлинные и мнимые ценности жизни, но и еще воспринимать многое другое из сложной современной нравственной проблематики.

В повестях В. Крапивина «Всадники со станции Роса» и «Звездный час Сережи Каховского» («Мальчик со шпагой» — в журнальном варианте) действует один и тот же герой. Он связан с окружающими отношениями, в которых острые конфликтные ситуации возникают каждый раз при несовпадении высоких нравственных представлений мальчика с тем «плохим», с чем ему приходится сталкиваться. В. Крапивин утверждает право детства судить недостатки взрослых с высоты этих представлений.

Для сложного духовного мира подростков-героев В. Крапивина характерен нравственный максимализм, душевная тонкость, благородство, чувство собственного достоинства.

— Но ведь это подлость! — громко восклицает Сережа Каховский, когда начальник лагеря пытается прочитать его письмо домой на лагерьной линейке.

Туго натянутые струны Серезиной души чутко отзываются на любую несправедливость — к себе, товарищам. Он переживает, как свою, обиду, нанесенную младшему или старику, его ранит жестокость, проявленная по отношению к животному. В любую минуту Серезжа готов выступить на защиту слабейшего. Это рыцарственность, уже ставшая жизненным принципом.

Когда же плохо самому, то на помощь приходят — из мечты — конники в красноармейских шлемах со звездами. Так происходит в повести «Всадники со станции Роса». В следующей повести о Серезе Каховском писатель включает его в более определенный социальный коллектив, окружает людьми, разделяющими его высокие требования к себе и к жизни. Некоторая замкнутость героя в себе уступает место ощущению связи с коллективом, со всем широким миром. И когда Серезжа, капитан команды в пионерском отряде фехтовальщиков «Эспада», выходит победителем из схватки с вооруженными хулиганами, он думает, как бы определяя источник своего мужества: «На что они надеялись? Ну да, они не понимали, что бывают вещи сильнее страха. Что можно бояться и все равно стоять прямо. Потому что есть эмблема с конниками и солнцем, есть друзья, рапиры, слова клятвы. Песни Кузнечика, всадники «Гренады». И где-то далеко — маленький Алехандро Альварес Риос, которому грозят пули. И красный галстук, который, выходя из школы, не прячешь в карман, как эти подонки. И золотой угольник капитана...»

Педагог Сухомлинский писал, что моральный облик человека, перед которым открываются горизонты жизни, зависит от того, каким он выходит из встречи со злом.

Чуткость детской натуры ко всему отживающему в нашей жизни, противостояние ее, чаще всего эмоциональное, проявлениям пошлости и мещанства отмечают многие писатели, пишущие о детстве. В повести М. Ибрагимбекова «Прилетела сова» это становится главной темой.

Не сразу удастся разобраться мальчику — герою повести в том, что представляет собой их сосед по даче Рашид, разглядеть за благопристойной внешностью «мурло мещанина». И немудрено — ведь, как говорит его взрослый друг Кямил, «такие люди» «так хорошо научились притворяться настоящими, что распознать их становится все труднее. Смотришь — человек как чело-

век, и одет нормально, и при галстукe, в театр ходит, газеты читает, как все». А у Рашида еще полон дом книг и говорит он хорошие слова о том, что «друзья в жизни не последнее дело — и советом помогут и добрым словом поддержат. И он для них всегда полезным быть старается».

Вначале скорее верным нравственным инстинктом, чем разумом, мальчик проникает в фальшь демагогических рассуждений Рашида, распознает в нем рвача и приспособленца. Но постепенно чисто эмоциональное неприятие всего, что связано с жизнью Рашида, обосновывается, укрепляется в душе мальчика рядом ассоциаций, сопоставлений с другими людьми. Шахлар-бек, в прошлом революционер, за всю свою долгую жизнь не совершивший ни одного бесчестного поступка, дядя Кямил, презирующий материальные выгоды, упорно следующий своему призванию (он пишет рассказы), бабушка, хоть и верящая в приметы, но мудро разбирающаяся в людской психологии и по-настоящему добрый человек. Их жизнь, их поступки помогают мальчику выстраивать свой внутренний мир как мир высокой духовности, верности убеждениям и доброты.

* * *

Так советская детская литература стремится дать своему читателю верные моральные ориентиры, вооружить его нравственными критериями, основанными на высоких идеях гуманизма.

Помня об утверждении великого Пушкина, что если сочинение «замечательно по своему успеху или влиянию», то «в сем отношении нравственные наблюдения важнее наблюдений литературных», мы попытались проследить главную тенденцию детской литературы последних лет: усилившееся в ней внимание к вопросам нравственного порядка, стремление воздействовать на растущего человека с позиций коммунистической морали. Узкие рамки брошюры не позволили показать проявление этой тенденции еще во многих других произведениях писателей, чье творчество составляет сокровищницу нашей многонациональной детской литературы, в произведениях научно-художественных, научно-фантастических, приключенческих, принадлежащих к жанру литературной сказки. Особого разговора в этом аспекте заслуживает огромная наша поэзия для детей.

Мы видели, что к чему бы ни обращался сегодня писатель, работающий для детей,—к личности Ленина, его соратников по революционной борьбе, к стойкости и мужеству советских людей в годы Великой Отечественной войны, к истории, к трудовым подвигам нашего народа — в первую очередь в сфере его внимания оказываются нравственные проблемы. И это глубоко верно, так как формирование нравственных убеждений возможно лишь через воспитание души, через воспитание чувств. Только через полноту, богатство, благородство духовного мира, эмоциональной жизни, через личное отношение к социальным, общественным, политическим явлениям можно привести юного человека к убежденной верности коммунистическим идеалам, к формированию в его сознании идей патриотизма, интернационализма, высоконравственного, социалистического отношения к труду, социальной, гражданской активности, то есть взрастить в нем гражданина социалистической Родины.

Софья Анатольевна Николаева

БУДЬ ГРАЖДАНИНОМ

(Заметки о современной прозе для детей)

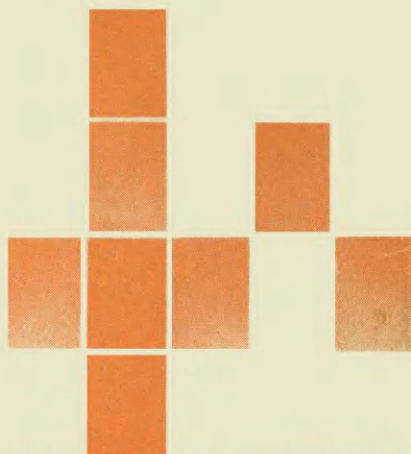
Зав. редакцией *М. Б. Новиков*
Редактор *Н. М. Краснопольская*
Мл. редактор *Л. Ю. Михайлова*
Худож. редактор *М. А. Гусева*
Техн. редактор *Л. А. Кирякова*
Корректор *В. И. Ширяева*

Ордена Трудового Красного Знамени тип. им. Володарского
Лениздата. 191023, Ленинград, Фонтанка 57.

А14508. Индекс заказа 77111 Сдано в набор 18/VIII-77 г. Подписано к печати 13/X-77 г. Формат бумаги $84 \times 108 \frac{1}{32}$ Бумага типографская № 3. Бум. л. 1,0. Печ. л. 2,0 Усл. печ. л. 3,36. Уч.-изд. л. 3,50. Тираж 136 100 экз. Издательство «Знание». 101835, Москва, Центр, проезд Серова, д. 4. Заказ 285. Цена 11 коп.

11 коп.

Индекс 70069

11/1977

СЕРИЯ ЛИТЕРАТУРА